

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование кафедры)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Конфликтогенность инвективной лексики
в политическом дискурсе»

Студент Е.С. Ворфоломеева (И.О. Фамилия) (личная подпись)

Научный руководитель Л.А. Сомова (И.О. Фамилия) (личная подпись)

Руководитель программы д-р филол. наук, профессор
И.А. Измestьева (ученая степень, звание, И.О. Фамилия) (личная подпись)

« _____ » _____ 2019г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой канд. филол. наук, доцент
О.Д. Паршина (ученая степень, звание, И.О. Фамилия) (личная подпись)

« _____ » _____ 2019г.

Тольятти 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ	8
1.1. Речевая природа конфликта. Речевая агрессия как конфликтогенное речевое поведение	8
1.2. Понятие инвективы. Модель (структура) речевого акта оскорбления	12
1.3. Проблемы лингвистической экспертизы в установлении акта оскорбления	16
Выводы по первой главе	21
Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	22
2.1. Особенности «организации» конфликта в медиaproстранстве	22
2.2. Анализ речевого акта оскорбления с учетом коммуникативной ситуации	29
2.3. Конкретный анализ речевого акта оскорбления на политических дебатах	37
2.4. Лингвистическое заключение специалиста по спорному высказыванию	42
Выводы по второй главе	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	65

ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс с начала XX века претерпел существенные изменения. Негативные процессы в обществе, повышение уровня агрессии, в том числе и речевой, выступают катализатором речевых конфликтов. Все это находит выражение, в том числе и в речи публичных политиков. Особенно ярко это проявляется в период активных политических событий. Актуальность работы заключается в изучении конфликтных речевых ситуаций на материале политического дискурса: их детальное рассмотрение и анализ лингвопрагматических средств позволяет лучше понимать природу реальных речевых конфликтов.

Природа речевой агрессии активно исследуется учеными. Т.А.Воронцова рассматривает это явление в коммуникативно-дискурсивном аспекте [Воронцова 2006]; оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт осмысливает Г.А.Кусов [Кусов 2004]; интерпретации понятия «унижение чести, достоинства, деловой репутации» уделяет внимание Т.И.Краснянская [Краснянская 2008]. О важности юридизации языковых конфликтов пишет Н.Д. Голев [Голев 2008], инвективность как функционально-семантическую категорию русского языка описывает Коряковцев [Коряковцев 2011], о конфликтной семантике размышляет Кара-Мурза [Кара – Мурза 2009].

Политические дебаты последних лет демонстрируют усиление речевой агрессии в предвыборной ситуации. В публичном пространстве масс-медиа звучат бранные слова, используются ненормативная лексика. Сквернословие как социальная проблема уже была описана учеными-лингвистами [Жельвис 2001], но речевые стратегии и тактики на предвыборных дебатах, вызывающие конфликтное взаимодействие, исследованы недостаточно. Все это определяет актуальность дальнейших исследований конфликтности инвективной лексики в политическом дискурсе.

Объектом исследования является политический дискурс выступления кандидатов в президенты РФ в рамках предвыборных компаний 2012, 2018 годов.

Предметом исследования являются особенности использования инвективной лексики в политическом дискурсе (на примере выступлений М. Прохорова, В. Жириновского, М. Сурайкина, К. Собчак, М. Шевченко (представителя П. Грудинина)).

Нами поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать проблему конфликтности инвективной лексики в политическом дискурсе, обращаясь к работам ученых, посвященных лингвопрагматике.

2. Проанализировать основные лингвопрагматические средства, используемые участниками предвыборных дебатов.

3. Выявить конфликтную лексику в речи политиков, особенности использования обращений, негативно оценочной лексики.

4. Определить наиболее частотные стратегии и тактики конфликтного общения в политических шоу (дебатах кандидатов в президенты).

Методологическая база исследования основывается на работах К.И. Бринева, Н.Д. Голева, Т.С. Шахматовой, А. Вержбицкой, И.А. Стернина, А.М. Баранова, Н.И. Формановской, О.В. Демидова, Е.И. Шейгал, Т.В. Чернышовой и др. В исследовании используются методы контекстуального и ситуативного анализа, лексико-семантического анализа.

Материалом исследования послужили высказывания кандидатов в президенты РФ в рамках предвыборных кампаний 2012, 2018 годов (Выборы 2012 с Петром Толстым, телеканал «Россия 1», эфир от 23.02.12; Выборы 2018. Дебаты, телеканал «Россия 1», эфир от 01.03.18; Выборы 2018. Дебаты с Владимиром Соловьевым, телеканал «Россия 1», эфир от 01.03.18).

Теоретическая значимость выбранной темы обусловлена интересом современных ученых к проблеме использования инвективной лексики в аспекте лингвоконфликтологии и лингвопрагматики. Сегодня лингвисты

участвуют в создании непротиворечивой теории успешной дискурсивной гармонии/дисгармонии, а также описании стратегий и тактик жанра оскорбления в контексте коммуникации и коммуникативных норм лингвокультурной общности. Наше исследование направлено на разработку методик по выявлению прагматических и языковых факторов возникновения конфликтного общения на политических шоу (политических дебатах).

Практическое применение. Результаты исследования могут быть использованы на занятиях по дисциплине «Теория и практика коммуникативного воздействия и взаимодействия» в вузе, а также при разработке тренингов по деловой риторике, по преодолению речевой агрессии, по совершенствованию публичной речи.

Положения, выносимые на защиту:

1. В политическом дискурсе оскорбление как катализатор конфликтного общения, во-первых, порождает ответную агрессию; во-вторых, способствует перерастанию речевой агрессии в физическую; в-третьих, используется для манипуляции сознанием слушающего.

2. Выбор инвективной лексики в политическом дискурсе связан с особенностями коммуникативной ситуации (предвыборные дебаты), образов оппонентов, истории межличностного конфликта коммуникантов, ожиданий массового адресата.

3. Инвективные высказывания, унижительные реплики, широко используемые кандидатами в президенты для реализации различных коммуникативных стратегий, чаще всего направлены на понижение статуса оппонента, его дискредитацию.

4. Диалог в политическом дискурсе протекает в инвективно жестком контексте. Вопросительность в таком речевом акте выступает в качестве смягчающей иллокутивной силы.

Апробация результатов исследования проходила в виде выступлений с докладами на научно-практических конференциях: «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Речевое манипулирование: средства

нападения и защиты» (г. Тольятти, апрель 2018 г.); «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Речевой конфликт: причины возникновения и пути преодоления» (г. Тольятти, апрель 2019 г.).

Результаты проведенного исследования отражены в 3 публикациях: в тезисах «Оскорбление как катализатор конфликтного общения (на материале предвыборных дебатов), опубликованных в сборнике материалов конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (2018 г.); тезисах «Особенности использования пейоративной лексики на предвыборных дебатах», представленных в сборнике материалов Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (2018 г.); статье «Инвективные высказывания кандидатов в президенты на телевизионных дебатах как средство предвыборной борьбы», опубликованной в сборнике материалов VI Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспект» (2019 г.)

Структура магистерской диссертации включает в себя введение, две основные главы, разделенные на параграфы, заключение, список используемой литературы.

Во введении представляется обоснование актуальности исследования, объясняется используемый в работе научно-понятийный аппарат: объект, предмет, задачи, методологическая база, методы, теоретическая значимость и практическое применение; содержатся сведения об апробации работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе исследованы причины речевой природы конфликта, представлено описание вербальных конфликтогенов, через которые реализуется речевая агрессия, отдельно перечислены группы слов, составляющие разряд инвективной лексики как конфликтогена любой вербальной коммуникации. Определены компоненты инвективной стратегии, составляющие инвективного речевого акта. Рассмотрена роль инвективы в речевом акте оскорбления, представлена структура речевого акта

оскорбления, которая позволяет доказать речевое намерение – оскорбить или унижить человека. С позиции коммуникативно-прагматического подхода представлена попытка выявления проблем при установлении акта оскорбления в лингвистической экспертизе. Особое внимание уделено конфликтогенным особенностям инвективной лексики.

Во второй главе с учетом мнения исследователей жанра ток-шоу описаны особенности «организации» конфликтов в медиапространстве, в частности такой его разновидности как политические дебаты. Заостряется внимание на речевой агрессии как конфликтогенном речевом поведении в политических спорах, определяются основные коммуникативные стратегии в политических ток-шоу, в частности в политических предвыборных дебатах на должность президента РФ. В соответствии с классификацией инвектив О.В. Демидова анализируется пул высказываний кандидатов в президенты РФ, участвовавших в предвыборных дебатах в 2012, 2018 годах, определяются инвективы, наиболее предпочитаемые политиками.

Представляется анализ конкретного речевого акта оскорбления (конфликт между К.Собчак и В. Жириновским), демонстрирующего как скрытая речевая агрессия провоцирует оппонента не только на оскорбление с использованием инвективной лексики, но и на ответную физическую агрессию, а также делается вывод об истинном использовании речевых актов оскорбления участниками политических дебатов. Представлена попытка моделирования ситуации лингвистического заключения эксперта по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации.

ГЛАВА 1. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Речевая природа конфликта. Речевая агрессия как конфликтогенное речевое поведение

Конфликты между людьми являются неотъемлемой составляющей их коллективного сосуществования. Зачастую причиной конфликтов становятся различия в моделях мира у людей, причем участники конфликта этих принципиальных различий не осознают. Для общения и понимания друг друга люди используют язык, а также его индивидуальное проявление – речь. Конфликты возникали целенаправленно и возникают даже там, где никто не собирался ссориться.

Причиной такого явления, по мнению Н.Д. Голева, выступает «множественность интерпретаций» одного и того же речевого произведения. «Речевая конфликтогенность заложена в самой природе языка как системно-структурного образования и природе речевого общения» пишет Н.Д. Голев [Голев 2011: 131]. Причиной, по мнению исследователя, может выступать антиномия плана-содержания и плана выражения, а также антиномия адресата – автора и адресанта – интерпретатора. «Множественность интерпретации обусловлена невозможностью совмещения двух сознаний – реального автора и реального адресата. Адресант – интерпретатор может реализовать свои цели, опираясь на виртуальный образ подразумеваемого автора, и его интенции извлечь информацию, вписывая интерпретируемый текст в существующий контекст, языко-речевой, коммуникативно-ситуативный» [Голев 2011: 133].

Об антиномии объективной и субъективной сторон языка пишет и П. Рикер: «Любое речевое произведение является носителем потенциала множественной интерпретации, и, следовательно, любое из них может стать

детерминатором коммуникативного конфликта интерпретаций» [Голев 2011: 138].

Множественности интерпретации смысла высказывания способствуют в определенной степени и свойства самого языка: взаимонепонимание партнеров обуславливают лексическая и грамматическая многозначность, динамичность значения языковых единиц, отсутствие связи между «означаемым» и «означающим», между знаком и предметом и др.

Любой конфликт (психолого-этнический, социально – психологический и пр.) получает языковую репрезентацию. Языковая репрезентация конфликта получает свой выход через вербальные конфликтогены.

«Конфликтогены – слова (знаки), действия (или бездействие), порождающие или способные привести к конфликту» [Семенова 2008: 17]. Термин предложен психологом А.П. Егидесом и в настоящее время активно используется исследователями языка в научных работах. Многие конфликтогены, по мнению ученых, являются порождением агрессии, стремления к превосходству, высокомерия, проявления эгоизма, нарушения правил и т.п.

Так, речевая агрессия демонстрируется через вербальные конфликтогены, которые могут быть представлены следующими группами слов:

- слова со значением недоверия (*вы не разбираетесь, ты меня обманываешь, я тебе не верю*);
- слова оскорбления (*подонок, бестолочь, негодяй, дурак, ничтожество, проститутка и пр.*);
- слова угрозы (*вы еще пожалеете, мы еще встретимся, я вам это припомню*);
- слова насмешки (*мямля, коротышка, дистрофик и пр.*);
- слова сравнения (*как свинья, как скотина, как попугай*);

- слова, демонстрирующие отрицательное отношение (*я не хочу с вами разговаривать, вы мне не приятны /противны, ненавижу вас*);
- слова со значением долженствования (*вы должны, вы обязаны*);
- слова обвинения (*вы подлец, ты обманщик, вы во всем виноваты*);
- слова со значением категоричности (*никто, никогда, всегда, все время и т.п.*).

Стоит обратить внимание и на то, что языковыми факторами конфликтогенности могут выступать и многозначные слова, и омонимы вне развернутого контекста, ненормативная (обценная, инвективная) лексика, негативная оценочная лексика, слова-агнонимы, а также слова нелитературных форм (сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы), слова, имеющие неприятные, нежелательные или неэтичные ассоциации, отрицательные конструкции.

Отдельно рассмотрим инвективную лексику как конфликтоген любой вербальной коммуникации.

Внутри инвективной лексики различают две группы – литературную и внелитературную. К первой группе относят:

- слова, называющие лица, обозначающие негативные, по мнению общества (или его большинства), занятия, деятельность, поведение, поступки кого-либо (*проститутка, мошенник, вор, взяточник, жулик т.п.*);
- слова и словосочетания, в самом значении которых присутствует негативная оценка поведения, занятий, деятельности кого-либо, имеющая экспрессивную окраску публицистического характера (*расист, антисемит, изменник, предатель русофоб и т.п.*);
- нейтральные названия лица по роду занятий, по его профессии (*мясник, чиновник, бюрократ и т.п.*), в переносном значении приобретают резкую негативную оценку;
- зоосемантические метафоры с негативной оценкой в высказывании и грубой экспрессией неодобрения, пренебрежения, презрения (*сука, быдло, кобыла и т.п.*);

- слова со значением свойства, качества или действия кого-либо с констатирующей семантикой (*хулиганить, воровать, мучать, издеваться, убивать и т.п.*) и слова с оценкой, ярко выраженной экспрессивной окраской (*прикарманить, хапнуть, лицемерить и т.п.*);

- слова, в самой семантике которых заключена негативная оценка человека как личности, имеющие сильную негативную экспрессию (*дурак, гадина, идиот, псих и т.п.*). Это не окончательный, но достаточно полный перечень слов инвективной лексики, относящейся к литературному языку.

Ко второй группе относят так называемую «ругательную нелитературную» лексику, а именно:

- слова и выражения, выходящие за рамки функционирования литературного языка, употребление которых в массовой публичной коммуникации нарушает нормы общественной морали (*придурак, жмот, гад и т.п.*);

- слова, относимые к обценной /запретной лексике (мат).

Краткое описание инвективной лексики показывает, что к этой группе слов относят слова и выражения, несущие через свою семантику, экспрессивную окраску и оценку интенцию оскорбить, опозорить, унижить адресата своего высказывания (речи) или опосредованного адресата, не участвующего в прямой коммуникации. Как правило, присутствует намерение сделать это в более грубой, уничижительной, циничной форме.

Следует отметить, что конфликтогенные факторы давно и активно изучаются в рамках теории коммуникации рядом исследователей (В.И. Жельвис, М.Ю. Крысин, К.Ф. Седов, Т.С. Шахматова и др.).

Исследователи обращают внимание на то, что важно учитывать и неречевые особенности конфликта, являющиеся следствием человеческой речи, таких как, коммуникативные намерения, определенный уровень владения языком, психологическое состояние, отношение к собеседнику и пр. Об этом говорит и Н.Д. Голев, отмечая, что главным источником конфликта становится вероятность разной интерпретации коммуникативного

намерения участников общения. «Без «реконструкции» (подразумевания) пресуппозиции полноценная интерпретация любого высказывания в естественных коммуникативных ситуациях по существу невозможна» [Голев 2011: 131]. В дополнение к этому некоторые исследователи предлагают обращать внимание на разнообразные нарушения правил, а также на нарушение закономерностей коммуникации как на прагматические маркеры конфликта.

1.2. Понятие инвективы. Модель (структура) речевого акта оскорбления

Инвективная лексика относится к эмоциональной лексике и представляет собой одно из средств передачи негативных эмоций в коммуникации. В большинстве случаев, свое выражение в речи она находит через инвективу.

Словарь иностранных слов дает следующее определение инвективы: «резкое, оскорбительное выступление против кого-либо, чего-либо, оскорбительная речь, выпад» [Словарь иностранных слов 1999; 93].

Инвектива реализуется через инвективные речевые акты в рамках инвективной стратегии говорящего.

Исследователи определяют следующие компоненты инвективной стратегии: наличие объекта оскорбления, отрицательная оценочность, понижение социального статуса адресата.

В.И. Жельвис пишет, что в основе инвективного общения лежит «стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон... через оскорбление и обиду ... добиться изменения поведения адресата» [Жельвис 2001: 23].

Т.В. Семенова в результате проведенных исследований пришла к следующим выводам о составляющих инвективного речевого акта:

- один из факторов определения наличия/ отсутствия оскорбления - мотив речевого произведения;

- слово инвективно, если выдержаны условия инвективной коммуникативной ситуации: оскорбительный мотив, отрицательная эмоция, негативный актуальный личностный смысл, нарушение поведенческих социальных норм;

- если нарушаются этико-языковые оценки, а не языковые нормы, зафиксированные в словаре, имеет место вербальное оскорбление.

К тому же, отмечает Т.В. Семенова, потенциальная инвективность речевых актов становится выше, если, во-первых, нарушены социальные нормы, принятые лингвокультурном социуме; во-вторых, оба участника ситуации общения имеют интенцию оскорбить; в-третьих, оба участника позволяют вести себя агрессивно, выражают отрицательные эмоции.

Т.о., инвективную (оскорбительную) речь отличают отрицательная оценка объекта, которому она адресована и который воспринимает ее как несправедливую, стремление понизить статус объекта речи, уровень его самооценки. С этой целью используются разные виды инвектив, такие как инвективные ярлыки с оттенком идеологии, субъективности и предубежденности, инвективная ирония, экспрессивные волитивы с семантикой изгнания, категорических требований и призывов, обценная лексика.

Инвектива как оскорбительная речь наиболее ярко презентуется в речевом акте оскорбления.

Лингвистическая сторона «оскорбления как речевого акта» сегодня активно изучается: описаны типологические модели речевого акта оскорбления (Т.В. Чернышова, Е.В. Головошапова), определены его характеристики (Т.С. Шахматова), структура (К.И. Бринёв), дефиниции.

Все существующие определения понятия «оскорбление» в толковых словарях включают в себя значение «плохое, уничижительное отношение, неуважительное слово или действие, ранящее чью-либо честь и

достоинство». С одной стороны, «оскорбление как речевой акт – это проявление агрессивного поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения, говорящего к слушающему путем приписывания ему уничижительных признаков и нанесение тем самым эмоционального ущерба» [Чернышова 2009: 95].

С другой стороны, под оскорблением понимают умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Зачастую оскорбление сочетает в себе и негативное отношение, и эмоциональный ущерб, и унижение. Неприличная форма – явный признак оскорбления, за него предусмотрено наказание¹.

Оскорбление может быть выражено словесно (письменно) или в виде действия (плевок, неприличный жест и т.п.), может быть высказано публично или в отсутствие объекта оскорбления, сопровождается негативной оценкой личности или внешности человека, его качеств, поведения в форме, противоречащей установленным правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали.

Общепринято понятие оскорбление в лингвистическом плане характеризовать как инвективу, под которой понимаются слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме.

Согласно исследованиям К.И. Бринёва, Т.В.Чернышевой, можно определить схему (ментальную модель), которая позволяет доказать речевое намерение – оскорбить человека. Структура речевого акта оскорбления включает указание на участников общения, иллокутивную цель высказывания, условия успешности инвективного акта, само инвективное

¹ КоАП РФ, Статья 5.61. Оскорбление

высказывание. По мнению К.И. Бринёва, «конфликтное речевое взаимодействие может развиваться в двух направлениях:

1. Высказывание, несущее в себе инвективный потенциал, реализующееся через оскорбительную речь, выпад, брань, имеет своей целью нанести психологический ущерб адресату. Подобный речевой акт оскорбления, считают исследователи, будет представлен следующей схемой:

а) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб.

б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X.

с) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб, где X - оскорбительное слово или выражение.

2. Оценочное высказывание, имеющее своей целью «утвердить свое превосходство по отношению к адресату сообщения» (понизить социальный статус коммуниканта):

а) Знаю, что ты сделал X.

б) Знаю, что X считается негативно ценным.

с) Говорю тебе, что ты сделал X или занимаешься X.

д) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего.

К.И. Бринёв предложил дополнительно схему, в которой оскорбление характеризуется «как составная часть манипулятивного РА с измененным критерием искренности:

а) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб.

б) Считаю, что говорить в твой адрес X необоснованно.

с) Говорю тебе X.

д) Говорю тебе X, чтобы ты реагировал на X» [Чернышова 2009: 96].

Конкретный набор характеристик предлагает рассматривать и Т.С. Шахматова при анализе речевого акта оскорбления: «1) внешнеситуационный компонент (публичность, официальная обстановка и т.п.); 2) участники ситуации и соотношение их социальных ролей; 3) интенция автора (иллокутивная сила); 4) перлокутивный компонент,

соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата» [Шахматова 2013: 269].

С точки зрения Р.О. Якобсона, для «анализа речевого акта оскорбления необходимо рассматривать участников конфликтной ситуации (инвектор-инвектум, численность и соотношение участников конфликта, социальный статус конфликтующих); форму передачи сообщения (письменная, устная); характеристику конфликтной ситуации (контекст), включающий причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, причину и предмет разногласий; характер конфликтного взаимодействия (контакт), обусловленный особенностями коммуникативного развертывания конфликта, отношениями между конфликтующими сторонами и т.п.; языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт (наличие инвективной лексики, нарушение этикетных норм и т.п.)» [Чернышова 2009: 97].

Изучая речевой акт оскорбления, исследователи демонстрируют принципиальное согласие в определении схемы его анализа, акцентируя внимание на том, кто говорит, кому говорит, что говорит и как (в какой ситуации) говорит.

1.3. Проблемы лингвистической экспертизы в установлении акта оскорбления

По мнению ряда исследователей, проблема квалификации оскорбления в лингвистической экспертиологии является одной из неясных и активно изучаемых проблем. К.И. Бринев в своей статье «Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт» пишет: «при производстве конкретных экспертных исследований собственно лингвистическое исследование речевого поведения говорящего «смешивается» с психологической категорией потенциальной обидности речевого произведения, за которой, очевидно, стоят, достаточно

субъективные представления эксперта о том, какие из инвективных средств могут обидеть адресата, а какие – нет» [Бринев 2011: 330].

Федеральный закон от 07.12.2011 №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» декриминализировал преступление, предусмотренное ранее статьей 130 УК РФ (оскорбление). Сегодня оскорбление как деяние включено в разряд административных правонарушений, ответственность за которое предусмотрено статьей 5.61 КоАП РФ (оскорбление). Статья 5.61 дает трактовку оскорбления как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» и предусматривает наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 000 до 3 000 рублей; на должностных лиц – от 10 000 до 30 000 рублей; на юридических – от 50 000 до 100 000 рублей. Отдельный штраф предусмотрен для оскорбления, содержащегося в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ.

Такое определение выглядит узким, поскольку опирается на единственный критерий – выраженность в неприличной форме.

Вопрос о том, какую форму считать неприличной, был и остается актуальным.

Среди исследователей нет единого понимания, какую лексику считать неприличной. Так, И.А. Стернин к неприличной лексике относит нецензурную (непристойную) лексику – экспрессивную лексику, которую общественное сознание полностью запрещает в публичном употреблении. Таковую составляю всего 5 слов русского языка: нецензурные обозначения мужского (одно слово) и женского (два слова) половых органов, нецензурное обозначение акта совокупления, нецензурное обозначение женщины, продающей свое тело, а также их производные. Бранную и сниженную лексику И.А. Стернин неприличной не считает, хотя и отмечает ее неуместность в публичном употреблении. Бранную лексику И.А. Стернин рассматривает как инвективную, то есть оскорбительную, и обращает

внимание на то, что расширенное понимание оскорбления как использования любой бранной, грубой, вульгарной лексики и фразеологии делает усмотрение оскорбления в спорном тексте субъективным и произвольным.

По мнению А.Н. Баранова, маркерами неприличной формы выступают стилистические характеристики слов. К неприличным относят слова с пометами – *нецензурное, бранное, неприличное, грубое*. В словарях отмечается особый характер их употребления в речи – наличие иллокутивной цели обидеть или оскорбить адресата. Так, например, к бранным относятся слова *сволочь, скотина (о человеке), сука (о человеке), ублюдок, старый хрен, холуй* [Баранов 2007: 59].

А.Н. Баранов считает, что «квалификация неприличной формы выражения смысла в каком-либо речевом высказывании опирается, с одной стороны на стилистические характеристики слов, а с другой – на стиль и жанр коммуникации», то есть более официальный характер коммуникации накладывает большие ограничения на стилистические характеристики слов. Такие слова как *больной, дурак, идиот* (в переносном значении), не привлекающие особого внимания в непосредственном общении, в рамках судебного заседания могут быть признаны оскорблением [Баранов 2007: 538].

По мнению исследователей и практикующих экспертов, категория приличия не относится к лингвистической. Судебная лингвистика стремится выработать рабочее определение «неприличная форма» и критерии для ее опознавания, пригодные для практики проведения экспертных исследований. Сегодня эксперты вынуждены подводить под этот нелингвистический термин ассоциирующиеся лингвистические понятия, что создает поле возможностей разнообразного трактования и затрудняет работу экспертов.

В ряде случаев на помощь приходит обращение к лексическому значению слова «неприличный» - не соответствующий нормам приличия. С этой стороны, категория приличия коррелирует с категорией нормы. Категория нормы достаточно хорошо изучена, имеет дефиницию. Нормы

разделены на 2 группы: кодифицированные и некодифицированные. 1 группа представлена в лингвистических словарях нормативного типа, сборниках правил правописания. 2 группа представляет собой обобщение знаний некоторых сложившихся норм коммуникативного поведения. Разграничение норм на кодифицированные и некодифицированные помогает решать проблему «неприличной формы» и в рамках понятия «литературная норма», и с учетом общепринятых представлений о нормах общения.

Однако, само по себе употребление стилистически сниженных слов и выражений не констатирует факт речевого оскорбления. Оно правомерно в тех случаях, когда:

- 1) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
- 2) при этом очевиден прямой умысел на оскорбление;
- 3) инвективная лексика характеризует человека в целом, как личность (то есть дается обобщенная оценка его личности);
- 4) высказывание произносится публично.

Т.С. Шахматова под оскорблением понимает «речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания ее социальной значимости» [Шахматова 2013: 269].

Таким образом, оскорблением можно считать любое высказывание, цель которого - понизить статус коммуникативного партнера. По мнению исследователя, оскорбление может быть выражено через:

- диффамацию (публичное распространение сведений, порочащих кого-либо);
- вербальную дискриминацию (выражение в речи своего превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным причинам);
- вербальную дискредитацию (подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия);
- вербальную инсинуацию (создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо).

Под *диффамацией* традиционно подразумевается предание всеобщей огласке порочащих кого-либо сведений.

Под *дискредитацией* имеется в виду подрыв доверия к кому-либо, умаление авторитета, значения кого-либо, чего-либо.

Кроме того, на сегодняшний день отсутствуют принципы и инструменты для определения степени инвективности, в том числе и речевого произведения в судебной практике (в делах по рассмотрению исков об оскорблении чести и достоинства), что позволило бы «выносить более обоснованные судебные решения по фактам вербального оскорбления личности, которые в настоящее время основываются, как правило, на данных толковых словарей, как известно, не ставящих задачу фиксации степени оскорбительности (инвективности) лексики» [Баженова 2018: 28].

Исследователь пишет о необходимости создания основ лингвистической диагностики вербального оскорбления в целом, в том числе и инвективы. И.В. Баженова отмечает, что «в настоящее время лингвистическая экспертиза по данным толковых словарей носит опосредованный и приблизительный характер, поскольку лексикографические данные не содержат всех признаков, определяющих параметры и условия функционирования инвективной (и обценной лексики)» [Баженова 2018: 29]. Н.Д. Голев добавляет «по-видимому, самое сложное в проблеме инвективного текста – объективная оценка, с одной стороны, намерений автора и, с другой стороны, оценка интерпретации данного текста посчитавшим себя оскорбленным субъектом» [Голев 2008: 136].

Согласно мнению большинства исследователей требуется классифицировать инвективы *по степени* их инвективности, описать типы сфер и ситуации их употребления, изучить традиции и контекст употребления инвектив в лингвокультурной общности. Также исследователи едины и в вопросе о необходимости юридической регламентации инвектив, поскольку если «хотя бы часть общества испытывает унижение и стресс от

бренных и матерных слов, то юриспруденция обязана защитить ее лингвоэкологическое право» [Баженова 2018: 30].

Выводы по первой главе

Конфликтогенность заложена в природе самого языка как средства коммуникации. Главной причиной, вслед за Н.Д. Голевым, исследователи называют «множественность интерпретаций» одного и того же текста. Не менее важным является и коммуникативное намерение участников общения.

Конфликтогенность инвективной лексики заключается в смысловом значении составляющих этот пласт лексем, имеющих коннотацию в виде негативной оценки и инвектированной экспрессии.

Сущность словесного оскорбления заключается не только в нарушении языковых норм, но и в посягательстве на общественную оценку и самооценку индивида. Оскорбление может быть реализовано при помощи вполне литературной, но обидной, не принятой в общении лексики.

При определении речевого акта оскорбления проведение экспертной оценки затрудняют:

- неоднозначное понимание словосочетания «неприличная форма», т.к. возможны его узкая и широкая трактовка;
- отсутствие четких критериев отнесенности тех или иных лексем к инвективной лексике, т.к. отсутствует лингвистическая диагностика вербального оскорбления в целом, и инвективы в частности. Лексикографические данные (в частности, стилистические пометы, значение лексем) не содержат всех признаков, объясняющих функционирование инвективной (в том числе обценной) лексики;
- отсутствие классификации инвектив по степени их инвективности, по степени причинения морального ущерба.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Особенности «организации» конфликта в медиапространстве

Конфликты между участниками коммуникации в медиапространстве сегодня самое распространенное явление. В современном медиапространстве наблюдается отсутствие у коммуникантов готовности и способности к конструктивному диалогу. Яркое тому подтверждение ежедневно мы видим в телевизионных передачах в жанре ток-шоу, особенно с политической тематикой («Право голоса», «Поединок», «60 секунд», «Прав?Да!», политические дебаты в преддверии выборов президента РФ и т.д.).

Разнообразные ток-шоу проводятся с целью показать разные точки зрения на заданную проблему, дать участникам возможность озвучить и защитить свою точку зрения, подвергнуть сомнению мнение оппонента. Они позволяют транслировать мировоззренческие ориентиры и тем самым воздействовать на сознание зрителей, способствуют распространению коммуникационных ценностей, моделей поведения в обыденной жизни.

По мнению Н.А. Кондратьевой и Л.В. Мордовиной, распространенная форма ток-шоу – это обсуждение какого-либо вопроса, в котором принимают участие приглашенные эксперты и аудитория зрителей. При этом важно:

- 1) наличие актуальной или актуально поданной проблемы;
- 2) присутствие участников общения (ведущий, эксперты, зрители);
- 3) оформленное место проведения;
- 4) регламент дискуссии (ограничение времени выступающего, наличие сценария, организующего общение).

Как отмечает В.Н. Степанов, значительной фигурой ток-шоу является ведущий (модератор коммуникации). Его задача вовлекать в процесс общения, при этом использовать провокацию как средство активизации аудитории, возбуждать интерес, направлять аудиторию по заранее выстроенному сценарию, формировать общий настрой.

В сценарии ток-шоу, считает А.А. Андреев, всегда изначально закладывается момент активного несогласия, протеста против альтернативного мнения, «неправильного поведения» собеседника с точки зрения одного из участников коммуникации. Это влечет за собой вербальную (речевую) агрессию, провоцирующую коммуникативный конфликт.

Опираясь на точку зрения В.С. Третьяковой, конфликтом будем называть ситуацию, в которой участники сталкиваются по поводу расхождения взглядов, интересов, целей, и при этом один из участников сознательно и уверенно действует в ущерб другому, а второй участник, осознавая, что эти действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия.

Иначе говоря, речевой конфликт – это результат особенного взаимодействия субъектов, определенное состояние участников коммуникации, возникающее как результат речевого поведения.

Остановимся отдельно на речевой агрессии как конфликтогенном речевом поведении. В нашем исследовании будем придерживаться широкого понимания словосочетания «речевая агрессия» как любого вида доминирующего речевого поведения. Вслед за Т.А. Воронцовой считаем, что «речевая агрессия как коммуникативное явление не может рассматриваться без учета функции высказывания в контексте конкретного дискурса, поскольку именно это определяет роль языковых и речевых средств в коммуникативном акте» [Воронцова 2006: 83].

Речевая агрессия активно и ярко демонстрируется в рамках политического дискурса, особенно в формате предвыборных политических дебатов. Предвыборные дебаты продолжаются уже второе десятилетие. За это время определились их некоторые отличительные черты: агональная природа политического дискурса; использование участниками коммуникативных стратегий, дискредитирующих оппонента; вербальная агрессия коммуникантов, проявляющаяся в использовании пейоративной (оценочно-отрицательной) лексики и построении с ее помощью инвективных

высказываний. Зачастую такая лексика является катализатором дискуссии и переключает внимание слушателей с обсуждаемой тематики общественно-политического характера на личностные характеристики участников коммуникации.

Как способ речевого воздействия, где на стыке находятся интересы психологии общения, массовой коммуникации, политики, речевую агрессию относят к коммуникативной деятельности человека. С точки зрения лингвистов речевая агрессия изучается и как психолингвистическое явление, то есть агрессия определяется как речевое поведение, лингвистика же анализирует формы и способы выражения этого явления.

Речевая агрессия используется с целью оскорбить или сознательно причинить вред человеку, группе людей, обществу. И в этом случае для политика важно не сообщить какую-либо информацию, а с ее помощью спровоцировать аудиторию на немедленную отрицательную реакцию. При этом такая речевая агрессия представляет собой нацеленный, подготовленный, продуманный, спланированный речевой акт. И эта форма речевой агрессии считается наиболее опасной, т.к. инвектор сознательно планирует причинение морального вреда инвектуму. Отдельное внимание Т.С. Шахматова предлагает уделять коммуникативному садизму, особенно характерному для иерархических структур, где присутствует власть одного человека над другим (начальник - подчиненные, учителя-ученики, опытные политики – начинающие свою политическую карьеру и т.п.). «Главной интенцией коммуникативного садизма является намерение причинить моральные страдания жертве. Главной характеристикой субъекта садизма можно назвать ощущение собственной правоты при понимании болезненного эффекта от своих слов» [Шахматова 2013: 267]. Исследование политического дискурса в этом направлении представляется весьма интересным.

Другие исследователи рассматривают речевую агрессию в формате коммуникативного поведения и особое внимание уделяют психологическому состоянию инвектора. По их мнению, политик, который демонстрирует

агрессивное поведение, не всегда действует осознанно. Как считает Ю.В. Щербинина, «одна из причин речевой агрессии – недостаточная осознаваемость собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных компонентов в нем» [Щербинина 2004: 9]. Такое поведение политика, сопровождающееся определенными эмоциями, может быть положительно воспринято аудиторией и способствовать созданию положительного имиджа политика.

Агональная природа политического дискурса заранее предполагает наличие политических соперников, которые стремятся занять первое место в списке кандидатов у избирателей. И, как показывает политическая борьба последних лет, здесь все средства хороши. Основная коммуникативная стратегия в политическом дискурсе, по мнению Е.И. Шейгала, использование агрессии для «ниспровержения оппонента и завоевания власти, понижения его социального статуса, причинения моральных страданий объекту агрессии» [Шейгал 1999: 39]. В.И. Жельвис также считает, что в основе инвективного общения - «стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [Жельвис 1999: 13]. Л.А.Сомова отмечает, что «частотность инвективной лексики в медиапространстве увеличивается, провоцируя речевую агрессию» [Сомова 2017: 367].

Опираясь на понимание «инвективы» как «речевой функции нанесения оскорбления», рассматривая её как «любое резкое выступление, выпад против оппонента», «оскорбительную речь, обличение» [Жельвис 1999: 25], выражение негативной интенции политического дискурса в целом, О.В. Демидов предлагает различать ее виды. Это негативная характеристика; оскорбительный выпад (собственно инвектива, относящаяся как к третьему конкретному лицу, так и к собирательному объекту); диффамация (публично распространяемые сведения, позорящие кого-либо); ярлыки (или «манипулятивные термины», по определению А.М. Цуладзе), а также

метафоры, намеки, ирония, сарказм; резкая, аффективная оценка с использованием пейоративной лексики и фразеологических оборотов [Демидов 2007: 114].

В соответствии с предложенной классификацией нами были проанализированы высказывания кандидатов в президенты РФ в предвыборных дебатах 2012 и 2018 годов. В Жириновский, М Сурайкин, К Собчак, М. Шевченко (доверенное лицо кандидата П. Грудинина), используя стратегии демонстрации превосходства и понижения политического статуса оппонента открыто использовали следующие лингвистические средства.

1. Инвективы, относящиеся к третьему конкретному лицу:

- *Если мы будем следовать рецептам Михаила Дмитриевича Прохорова, Россия погибнет! (В. Жириновский о М. Прохорове).*
- *При Брежневе началось загнивание, а все хвалят Брежнева. Вы хвалите Зюганова – это были ошибки (В Жириновский).*
- *Даже КПРФ, которую мы считаем братской партией, продалась капиталу и выдвинула олигарха Грудинина, который сбежал с эфира, трусил, не хочет уважать избирателей... (М. Сурайкин).*

2. Инвективы, относящиеся к собирательному объекту

- *Губернаторы...их нужно всех в тюрьму посадить, они все нарушают законы! Я вот называю 12 губернаторов – немедленно в отставку и в тюрьму! Зюганов – только Меркушкина. Вы тоже молчите... (В. Жириновский)*
- *Царь не устоял, коммунисты предали, нынешняя власть слабая! (В Жириновский)*
- *Так ж, как и КПРФ, и любой кандидат от КПРФ, просто протирать штаны в Думе (Государственной) и получать огромное финансирование от государства (К. Собчак).*

3. Оскорбительные выпады:

- *Вот удивительное лицемерие!.. Ложь и лицемерие не м.б. будущим России. Не надо говорить про европейские ценности, если перед*

своими избирателями Вы не можете говорить правду (М. Шевченко в адрес К.Собчак)

- *Ведь и то, и то, дорогие друзья, это чистое вранье! Эти кандидаты вам врут, и всем это абсолютно понятно... (К.Собчак о В. Жириновском и П. Грудинине)*
- *Провокатор бандеровский! (М. Шевченко о М. Сурайкине)*
- *Я тебе сейчас в морду дам! Ты че сказал?! Что я бандеровский?! Я тебе сейчас... сломаю! Мразь наемная! (М. Сурайкин о М.Шевченко)*

4. Диффамации:

- *Вы, наверное, знаете хорошо: деньги, полученные от продажи продукции Норникеля уходят в оффшоры. Вы, наверное, знаете, что Полюс золота, Ваша фирма (Вы имеете право), тоже находятся все капиталы там (В. Жириновский,обращаясь к М. Прохорову)*

5. Ирония:

- *Когда я был первый раз кандидатом в президенты, Михаил Дмитриевич был успешным банковским работником, таким успешным, что даже вызывает подозрение: выпускник советского вуза - сразу начальник управления в банке, карьера, на которую сын Барака Обамы не смог бы рассчитывать. Но это его дело. Я никогда не завидую, Михаил Дмитриевич... (В. Жириновский о М. Прохорове).*

Инвективные высказывания участников политических телевизионных шоу становятся все более разнообразными и, как показывают результаты выборов, их целенаправленное использование помогает политикам достигать запланированных результатов.

Поскольку мы в своей работе исследуем конфликтогенность инвективной лексики в рамках политического дискурса, в поле наших интересов попадает позиция адресанта и перлокутивный эффект от его агрессивного речевого поведения (нарушение этикетных норм, оскорбление, ссора). С помощью инвективной лексики адресант не только демонстрирует свое отношение к точке зрения собеседника/оппонента, но и свое

эмоциональное отношение к нему. Зачастую речевая агрессия становится информационным поводом, а оскорбление – катализатором политических дискуссий и демонстрацией яркого эмоционального отношения оппонентов друг к другу.

Приведем пример, демонстрирующий, что оскорбление использовалось в дебатах кандидатов на должность президента РФ в 2018 году как катализатор конфликтного общения, как специальный прием. В программе с одноименным названием, где в качестве ведущего выступал В.Соловьев, в центре внимания оказался конфликт между В.Жириновским и К.Собчак. Свидетелями стали все участники дебатов, ведущий программы, зрители в студии, а также телезрители (потенциальные избиратели). В момент очередного негативного комментария по поводу высказывания соперника В.Жириновский услышал замечание К.Собчак о возрасте («в Вашем возрасте нельзя так волноваться»), которое спровоцировало его на ряд резких, агрессивных реплик в адрес К.Собчак. Речевая провокация очевидна.

Во-первых, упоминание о возрасте указывает на желание оппонента понизить статус противника, к тому же надо учесть, что в контексте общения она повторяется дважды с незначительным промежутком по времени, что усиливает иллокутивное намерение ее произносящего. Во-вторых, произносится не в прямом диалоге, а как сопровождающая выступление реплика. Намек на возраст более молодой К.Собчак провоцирует В.Жириновского на ответное агрессивное речевое поведение. Это речь изобилует инвективами: «заткнись ты, дура», «потому что она тупая, без мозгов», «вот видишь, идиотка», «убери эту проститутку», «отвратительная баба». Такое агрессивное речевое поведение провоцирует К.Собчак на ответные действия, только они переходят в разряд физической агрессии, она выплескивает на В.Жириновского стакан воды. Стоит отметить, что каждая из последующих оскорбительных реплик усиливает семантику унижения личности

Заметим, что и К. Собчак, и В.Жириновский, по очереди выступая в роли инвектора, сознательно и продуманно пользуются пейоративной и инвективной лексикой, умело реализуя свой умысел обидеть, оскорбить, оппонента, дискредитируя его в глазах потенциальных избирателей, и тем самым понижая его политический статус. И, как считает К.И. Бринев, человек, произносящий подобные реплики, ожидает от соперника именно таких ответных действий, которые провоцируются классическим речевым актом оскорбления. Манипуляции, приводящие к развитию конфликта, очевидны. Дополнительное тому подтверждение – драка между кандидатом в президенты Максимом Сурайкиным и представителем кандидата в президенты П.Грудина Максимом Шевченко на политических дебатах кандидатов в президенты РФ (2018 год) после обмена взаимными оскорбительными выпадами:

- Провокатор бандеровский! (М. Шевченко о М. Сурайкине).

- Я тебе сейчас в морду дам! Ты че сказал? Что я бандеровский?! Я тебе сейчас...сломаю! Мразь наемная! (М. Сурайкин о М. Шевченко).

Инвективные высказывания, пейоративная лексика, унижительные реплики широко используются кандидатами в президенты для реализации различных коммуникативных стратегий, направленных на понижение статуса оппонента.

2.2. Анализ речевого акта оскорбления с учетом коммуникативной ситуации

Коммуникативная ситуация характеризует обстоятельства общения в целом: его участников, уровень их отношений, преследуемые ими цели, используемые средства и способы общения, выбор тона и места и т.п.

В 1965 году впервые модель общения предложил Р. Якобсон. Выглядела она так: «адресант – сообщение – адресат – контекст – контакт - код» [Формановская 2002: 40]. Продолжая исследование ситуации общения,

В.Г. Гак (1973) определил следующие ее компоненты: говорящий, его адресат, пресуппозиции как некоторый объем предварительных знаний, коммуникативные намерения (интенции), цель общения, место, время, обстоятельства, отношения между участниками общения, их социальные статусы.

И.П. Сусов уточнил структуру ситуации общения в отношении высказывания (речевого действия), представив ее в следующем виде: «Я - сообщаю – тебе – в данном месте – в данное время – посредством данного высказывания – о данном предмете – в силу такого-то мотива или причины – с такой-то целью или намерением – при наличии определенных предпосылок или условий – таким-то способом» [Формановская 2002: 40].

Рассматривая коммуникативную ситуацию в прагматическом аспекте, Т.А. ван Дейк (1989) предложил схему ситуации общения, где учтены участники общения, прагматический контекст и характер отношений между участниками, состояния, события, действия, модальность, время, возможные миры, обязательства и т.д.

Немного ранее К.А. Долинин (1985) обратил внимание на экстарлингвистические компоненты ситуации коммуникации и ее предметно-событийного фона. Он представил схему коммуникативного акта как деятельностной ситуации, которая включает адресанта, адресата, наблюдателя, сообщение (через определенный канал связи и код с помощью языка).

Ю.А. Левицкий в ходе своих исследований выделил следующие параметры тексто/речепорождения: общая характеристика ситуации (нормальная/экстремальная, кооперативная/конфликтная), партнеры (говорящий – два и более, индивидуальный/коллективный; слушающий – активный/пассивный); социальные роли (равные/неравные партнеры); обстановка общения (дружеская/официальная); цель коммуникации (сообщение/предписание); предмет коммуникации (требует/не требует дальнейшего разъяснения); ограниченность времени (есть/нет).

По мнению Н.И. Формановской, в коммуникативной ситуации, порожденной дискурсным взаимодействием, очевидны фазы завязывания контакта, его поддержания и прекращения.

Все это свидетельствует о том, что вопрос о структурировании коммуникативной (речевой) ситуации на сегодняшний день остается актуальным и продолжает активно исследоваться. При этом в центре внимания исследователей оказывается то сообщение нового содержания, то воздействие на партнера, то управление его поведением.

Вслед за Н.И. Формановской, будем под коммуникативной ситуацией понимать «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении – высказывании, дискурсе» [Формановская 2002: 42].

Важнейшими компонентами этой ситуации являются: адресант и адресат, мотивы и цели коммуникантов, их социальные статусы и роли, место и время общения, степень контроля и самоконтроля поведения общающихся, пресуппозиции и импликации, невербальные средства.

В аспекте нашего исследования рассмотрим разновидность коммуникативной ситуации речевой акт оскорбление, поскольку это самый распространенный жанр, используемый политиками при спорной коммуникации. Анализ определенных коммуникативных ситуаций выявил основные типологические компоненты, достаточно регулярно повторяющиеся и потому характерные для речевого жанра оскорбление в целом. В основу поиска этих компонентов была положена модель речевой коммуникации Р.О. Якобсона. Сегодня большинство исследователей при анализе речевого акта оскорбления опираются на модель (К.И. Бринев, Т.В. Чернышова, Т.С. Шахматова, Л.А. Сомова и др.):

1) участники конфликтной ситуации: «инвектор» (обидчик, оскорбитель) и «инвектум» (обиженный, оскорбленный) с учетом следующих характеристик: а) количество и соотношение участников

конфликта (лицо/группа лиц, наличие участников конфликта); б) социальный статус конфликтеров (пол, возраст, должность/ранг, профессия);

2) форма передачи сообщения (письменная/устная);

3) Характеристика конфликтной ситуации (контекст), включающая причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, предмет и причину разногласий;

4) характер конфликтного взаимодействия (контакт), обусловленный особенностями развертывания коммуникативного конфликта, отношениями между сторонами и т.п.;

5) языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт (наличие инвективной лексики, нарушение этикетных норм и т.п).

С учетом этой модели проанализируем речевой акт оскорбление, достаточно часто используемый участниками политических дебатов кандидатов на должность президента РФ. Предвыборные компании 2012 и 2018 годов запомнятся избирателям не только изобилием кандидатов, полярностью точек зрения, но и беспрецедентной речевой агрессией, многочисленными оскорблениями, которые транслировались в массмедиа через телевизионные дебаты. Потенциальные кандидаты на должность президента РФ, не стесняясь, прибегали к коммуникативным стратегиям, цель которых – выставить в неприглядном свете оппонента, понизить его политический статус, а себя представить, как самого выгодного и радеющего за интересы избирателя.

Кратко остановимся на предвыборных политических дебатах как одной из разновидностей политического дискурса, основной целью которого является борьба за власть. На телевидении основное их назначение – представить позицию кандидата по той или иной актуальной политической проблеме, опровергнуть противоположное мнение оппонента, утвердить собственную позицию, убедить зрителей принять свою точку зрения. Для достижения этих целей особым образом организуется процесс

коммуникации. Непосредственными участниками общения становятся кандидаты на должность президента РФ; ведущий, управляющий коммуникацией; зрители в студии и опосредованные участники события – зрители у экранов телевизоров (самая массовая аудитория, электорат, для которого вся эта коммуникация и задумана). Представление политических позиций по той или иной теме происходит в устной форме. Зрители в студии могут быть включены в процесс общения, а могут быть просто наблюдателями. Специально подобранная музыка, звуковые эффекты и игра света – создают соответствующую атмосферу в студии. Формы представления политических взглядов кандидатов допускаются разные: от монолога до дискуссии в диалоге/полилоге. Такая свобода в коммуникации изначально допускает комментирование, замечания иные реплики со стороны оппонентов, способные вызвать негативную реакцию выступающего. Что, собственно говоря, мы и имели возможность наблюдать на прошедших политических дебатах в 2012 и 2018 годах. Негативная реакция участников находила свое выражение в речевых актах оскорбления.

Остановимся на одном из них. Прошедшие предвыборные дебаты кандидатов на должность президента РФ стали беспрецедентными по речевой агрессии участников, по изобилию оскорбительной лексики. Особенно запомнился телезрителям (потенциальным избирателям) конфликт, возникший между В.Жириновским и К.Собчак. Рассмотрим этот эпизод с точки зрения анализа речевого акта оскорбления:

1) участниками конфликтной ситуации являются В. Жириновский (инвектор - оскорбитель) и К.Собчак (инвектум - оскорбленный). Каково же соотношение участников конфликта, что можно сказать об их социальном статусе? Свидетелями конфликта стали все участники дебатов, ведущий программы, зрители в студии, в также телезрители (потенциальные избиратели). Социальный статус конфликтующих – оба кандидаты в президенты РФ, политические деятели, лица в государстве известные, однако, В.Жириновский – политик со стажем, а К.Собчак – телеведущая

сомнительной, имеющей в обществе статус «мерзкопакой передачи», светская львица, решившая попробовать свои силы в сфере государственного управления, отличают их возраст и гендер.

2) Форма коммуникации - устная (монологи, диалоги).

3) Почему коммуникация переходит в речевую агрессию и выливается в конфликтное общение? Каковы причины возникновения речевого конфликта, и что стало предметом разногласий?

Встреча начинается со вступительного слова кандидатов. В отличие от всех других, В.Жириновский выбирает стратегию самопрезентации через дискредитацию своих соперников. Речь его содержит негативную информацию о присутствующих: «Явлинский предлагал давить и душить патриотов России, это ли не позор? И сегодня они и Собчак связаны с западом, и катаются туда за границу, получают инструкцию. Этим людям на гражданскую службу допускать нельзя, а они идут в кандидаты президента, это позор!». Высказывания политика, как всегда, резки, содержат негативную информацию в адрес собеседника, с отрицательной эмоциональной окрашенностью. Он громко и быстро выкрикивает свои комментарии, демонстрируя свое превосходство над собеседниками, провоцируя их на негативные реакции и ответные высказывания, тем самым формируя определенное мнение о кандидате у потенциальных избирателей (в том числе зрителей программы). Одной из форм представления зрителям с студии телезрителям политической программы кандидатов выбрана дискуссия, дающая возможность прояснить свою позицию, оценить позицию оппонента. В момент очередного негативного комментария по поводу высказывания соперника В.Жириновский слышит замечание К.Собчак о возрасте («в Вашем возрасте нельзя так волноваться»). В.Жириновский спровоцирован на каскад резких, агрессивных реплик в адрес К.Собчак. На наш взгляд, речевая провокация несомненна.

4) Что выдает интенцию «спровоцировать» на речевую агрессию В.Жириновского? Конечно же, реплика К.Собчак. Несомненно, она

направлена на понижение статуса говорящего. Во-первых, фраза повторяется дважды. Во-вторых, не в прямом диалоге с В.Жириновским, а как реплика по ходу – катализатор конфликта. Ведущий дебатов, известный ведущий политических ток-шоу В. Соловьев, выполняющий на данной программе роль контролера регламентов (и не более!), пытается регулировать этическую сторону коммуникации, призывая всех следовать общепринятым правилам, пытается защитить кандидата К.Собчак «Не оскорбляйте женщину» и напомнить участникам истинную цель их совместного пребывания в студии «...Народ выбирает себе главнокомандующего...». Далее конфликтный диалог перерастает в гул голосов и завершается тем, что К.Собчак выплескивает на В.Жириновского стакан воды, в полном смысле слова «охладив разбушевавшегося». Агрессивное речевое поведение перерастает в физическую агрессию, в физическое действие.

5) Обратимся к языковому коду, способствующему развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт.

Намек на возраст со стороны К.Собчак «в Вашем возрасте нельзя так волноваться» провоцирует В.Жириновского на агрессивное речевое поведение с использованием инвективной лексики: «заткнись ты, дура», «сумасшедшая дура», «потому что она тупая, если мозгов нет. Вот, видишь, идиотка...Убери эту проститутку», «отвратительная баба», «Б* последняя».

По классификации И.А. Стернина ряд слов из этих реплик характеризуются как бранные: дура, идиотка, б*... ; другие слова демонстрируют нарушение лингвистического права гражданина быть огражденным от грязных ругательств, особенно в ситуации публичности – баба, тупая, проститутка.

Если мы проследим последовательность произнесения оскорбительных реплик, то заметим, что каждая последующая усиливает семантику унижения личности предыдущей: «дура» (бран., презрит.) – глупая женщина, «сумасшедший» (разг.) – утративший способность здраво рассуждать,

поступающий необдуманно, безрассудно, «она тупая» (перенос.) – умственно ограниченный, неспособный, несообразительный (о человеке), «идиот» (бран.) – тот, кто страдает идиотией (врожденным слабоумием), «проститутка» - продажная, бесчестная женщина, «Б*..» (вульг., груб.) - развратная, распущенная женщина.

Это говорит о том, что оскорбления произносятся не спонтанно, а сознательно, провокационно. То есть коммуникатор имеет умысел *оскорбить*, понизить социальный статус оппонента. И, как считает К.И. Бринев, произносящий их ждет именно тех ответных действий, которые вызываются классическим речевым актом оскорбления. Налицо манипуляции, приводящие к разжиганию конфликта. И он не заставляет себя ждать – К.Собчак выплескивает на В.Жириновского стакан воды. Но только теперь конфликт речевой выливается в конфликт физический.

Есть еще один очень важный момент. Все это действие подготовлено для телезрителя, потенциального избирателя. Все речи, которые произносятся в рамках телевизионных предвыборных дебатов, все действия, которые там совершаются, имеют своей целью не только донести до избирателей политическую позицию кандидата по тому или иному вопросу, но через понижение политического статуса оппонента, выставление его в негативном свете, привлечь на свою сторону зрителей/телезрителей. Иными словами, воздействовать на сознание слушающего, потенциального избирателя.

Таким образом, анализ речевого акта оскорбления через предлагаемую модель показывает, что в открытых политических дебатах оскорбление используется для откровенной манипуляции сознанием слушающего, склонением потенциальных избирателей к точке зрения кандидата, понижению политического статуса оппонента.

2.3. Конкретный анализ речевого акта оскорбления на политических дебатах

Речевых актов оскорбления в политических дебатах было выявлено, проанализировано и описано немалое количество. Однако, не известны громкие случаи судебных разбирательств по искам со стороны оскорбленных политиков о защите чести и достоинства, деловой репутации.

Попытаемся смоделировать ситуацию для судебного разбирательства. После публичных политических дебатов кандидатов на должность президента РФ 28 февраля 2018 года, прошедших на телеканале «Россия 1», предположим, что К.Собчак подала иск о защите чести, достоинства и деловой репутации на В.Жириновского за его слова «*Бл..ь последняя*».

Сегодня эксперты лингвисты по иску об оскорблении последовательно отвечают на следующий перечень вопросов:

- 1) Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице (то есть негативно его характеризующие)?
- 2) Являются ли эти высказывания адресными (то есть лично считающим себя оскорбленным лицом)?
- 3) Характеризуют ли негативные высказывания лицо как личность?
- 4) Несут ли негативные высказывания оскорбительный для лица характер по содержанию?
- 5) Имеют ли представленные для анализа высказывания неприличную форму выражения?
- 6) Произнесено ли оскорбление публично?

В соответствии с названным перечнем вопросов проанализируем: возможно ли высказывание «*Бл..ь последняя*» считать речевым актом оскорбления?

- 1) Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице (то есть негативно его характеризующие)?

Рассмотрим значение слова *бл..ь*. В современном русском языке оно имеет следующее трактование: развратная, распутная женщина; женщина

легкого поведения, шлюха; в более узком значении - проститутка (со стилистическими пометами – груб., вульг.).

Современное общество осуждает женщин, торгующих своим телом, более того, согласно статьи 6.11 КОАП РФ занятие проституцией влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей. Очевидно, что женщина, совершающая распутные, развратные действия, получающая плату за торговлю своим телом, нарушает не только нормы общественной морали, но и законодательные.

Значение слова «последний» -яя, - ее, в числе прочих значений имеет следующее: *Совсем плохой, самый худший (разг.). Это уже последнее дело (никуда не годится). Изругать последними словами (непристойно). П. негодяй так не сделает. Последняя спица в колеснице (о том, кто не имеет никакого влияния, значения; разговорное).* Постпозиция слова «последняя» усиливает значение слова «бл..ь», указывая на его максимально негативную степень оценки.

Следует обратить внимание на то, что в предшествующих обращениях (в рамках этих же дебатов) к К.Собчак В.Жириновский использует синонимы слова «бл..ь», называя ее *площадная девка, проститутка*. Неоднократное повторение слов-синонимов ярко свидетельствует о намерениях автора привлечь внимание к основному значению этих слов, дающих соответствующую характеристику человеку, в данном случае женщине.

Таким образом, словарный и семантический анализ показывают, что в реплике «Бл..ь последняя» передается негативная информация о К.Собчак, названной «бл..ь последняя», поскольку женщина представляется как распутная, развратная нарушающая не только нормы общественной морали, но и нормативные акты государства.

2) Являются ли эти высказывания адресными (то есть лично считающим себя оскорбленным лицом)?

Обмен репликами происходит непосредственно между В. Жириновским и К.Собчак в присутствии других участников дебатов. Среди

кандидатов К. Собчак - единственная женщина, именно к ней обращены слова В.Жириновского, представляющие собой номинации женского рода, среди которых и «*бл..ь последняя*». Таким образом, высказывания являются адресными.

3) Характеризуют ли негативные высказывания лицо как личность?

Слово «*бл..ь*» с учетом его семантики (см. выше п.1) характеризует женщину как личность в целом.

4) Несут ли негативные высказывания оскорбительный для лица характер по содержанию?

Слово «*бл..ь*» сообщает о женщине информацию как о легкомысленной особе, ведущей беспорядочную половую жизнь. Такая характеристика лица расценивается как негативная, поскольку она констатирует не только нарушение норм морали, но и законодательных норм (ст. 6.11 КоАП РФ предусмотрено наказание). Являясь синонимом слова «проститутка», также содержит в себе негативную информацию о предоставлении женщиной платных сексуальных услуг. Что идет в разрез с представлением о себе К.Собчак, которая позиционирует себя как светская львица, телеведущая, пробующая свои силы на политическом поприще.

Исследуемая реплика «*Бл..ь последняя*» представляет собой простое неполное предложение, где пропущен главный член подлежащее (*она* или *К.Собчак*), но он понятен из ситуации в целом. Исходя из предыдущей речи В.Жириновского, эта реплика адресована К.Собчак, именно ей автор приписывает все характеристики слова «*бл..ь*». В таких предложениях сказуемое передает (сообщает) признак (то есть свойство, действие или состояние) той сущности, которую обозначает подлежащее – в данном случае человек, женщина, К.Собчак. Опущенная связка *есть* между подлежащим и сказуемым указывает на настоящее время изъявительного наклонения. Однако, установленное ранее значение реплики «*бл..ь последняя*» - женщина распутная, развратная нарушающая не только нормы общественной морали, но и законодательные, носит оценочный характер, поскольку сопоставимо с

оценками – плохо/плохой. Другими словами, негативная информация, передаваемая в исследуемой реплике, является оценочным суждением.

Данный вывод подтверждается тем, что реплику «*Бл..ь последняя*» нельзя проверить на соответствие действительности: кто-то согласится с тем, что К.Собчак ведет себя как развратная, распутная женщина, нарушающая нормы общественной морали, но кто-то будет придерживаться совершенно иной точки зрения. Таким образом реплика «*Бл..ь последняя*» является оценочным суждением в отношении К.Собчак, в которой ей приписываются негативные характеристики, сопоставимые с общей оценкой «плохо/плохой». Эту реплику нельзя проверить на соответствие действительности, поскольку для одних людей это высказывание может быть ложным, а для других – истинным.

5) Имеют ли представленные для анализа высказывания неприличную форму выражения?

Стилистические характеристики слова «*бл..ь*» – грубое, вульгарное – относят это слово к разряду ненормативной лексики, которая моральным запретом общества исключена из публичного употребления и квалифицируется как неприличная. Слово «последняя» является стилистически нейтральным. Таким образом стилистический и семантический анализ, анализ словарной информации слов, входящих в реплику *Бл..ь последняя* показывает следующее: слово «*бл..ь*» относится к разряду ненормативной лексики, в связи моральным запретом общества исключена из публичной коммуникации, форма выражения передаваемого в ней смысла квалифицируется как неприличная.

б) Произнесено ли оскорбление публично?

Исследуемая реплика «*Бл..ь последняя*» является частью конфликтной коммуникации между В.Жириновским и К.Собчак во время телевизионных политических предвыборных дебатов на должность президента РФ в 2018 году. Свидетелями конфликта стали все участники дебатов, ведущий, зрители в студии и многочисленные телезрители.

Рассмотрим реплику «*Бл..ь последняя*» в соответствии со схемой, предложенной А. Вержбицей:

А) Знаю, что «*Бл..ь последняя*» способно причинить тебе психологический ущерб.

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю «*Бл..ь последняя*».

В) Говорю «*Бл..ь последняя*», чтобы причинить тебе психологический ущерб, поскольку, с моей точки зрения, ты продажная, бесчестная женщина и тебе не место в политике.

Г) Знаю, что «*Бл..ь последняя*» оскорбительное высказывание.

Таким образом, можно сделать вывод, что автор сознательно использует именно те слова, которые отрицательно характеризуют умственные и человеческие качества женщины, решившей выдвинуть свою кандидатуру на должность президента РФ. В данном случае интенция оскорбить, унизить очевидна. Ряд слов, используемых В.Жириновским относятся к разряду ненормативной лексики, имеют стилистическую помету *грубое* и имеют неприличную форму выражения (*бл..ь*), запрещены к использованию в публичной коммуникации. По нашему мнению, реплику В. Жириновского «*Бл..ь последняя*» с учетом коммуникативной ситуации вполне правомерно считать речевым актом оскорбления. Однако, для юридического трактования деяния оскорбления нет основания, т.к. это высказывание является всего лишь оценочным суждением. И не может быть представлено как фактологическая информация, а также проверена на степень соответствия действительности.

Предположительно, К. Собчак тоже это понимала, или не преследовала цель, засудить оппонента за оскорбление. Но тогда, чем же она удовлетворилась? Для этого нужно вспомнить пресуппозицию развертывания неконструктивной коммуникации. В момент очередного негативного комментария по поводу высказывания соперника В.Жириновский слышит замечание К.Собчак о возрасте («в Вашем возрасте нельзя так волноваться»). В.Жириновский спровоцирован на каскад резких,

агрессивных реплик в адрес К.Собчак. На наш взгляд, речевая провокация несомненна. Что выдает интенцию К.Собчак «спровоцировать» на речевую агрессию В.Жириновского? Конечно же, ее реплика о возрасте кандидата в президенты. Высказывание К.Собчак «*в Вашем возрасте нельзя так волноваться*» представляет собой утверждение через отрицание и публично адресовано В.Жириновскому и, несомненно, направлено на понижение статуса оппонента. Речевое действие представлено следующей формулой:

А) Знаю, что «*в Вашем (зрелом по отношению ко мне) возрасте так волноваться нельзя*».

Б) Знаю, что «*волноваться в зрелом возрасте вредно*».

В) Говорю тебе, что ты «старше меня, соответственно имеешь более слабое здоровье».

Г) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что «я моложе, здоровее, а значит, более подхожу на претендуемую должность», соответственно твой статус ниже моего.

Произнесенное публично, это высказывание носит оскорбительный характер, понижающий статус оппонента.

Таким образом, на наш взгляд, оба оппонента сумели реализовать стратегию дискредитации личности, чтобы в глазах электората ослабить политический вес противника. Думается, что обоим это удалось, поскольку президентом в 2018 году никто из них не стал.

2.4. Лингвистическое заключение специалиста по спорному высказыванию

Лингвистическое заключение (заключение специалиста)

Тольятти

25.07.2019

Лингвистическое заключение подготовлено на основании запроса Л.А. Сомовой 09.07.2019 о проведении лингвистического исследования реплики

В.Жириновского в адрес К.Собчак в рамках политических дебатов кандидатов в президенты РФ (Дебаты с В.Соловьевым, запись передачи от 28 февраля 2018 года) (<https://www.youtube.com/watch?v=Au-2KbSpdk4>) для ответа на следующие вопросы:

1. Обнаруживается ли в реплике В Жириновского (*Бл..ь последняя*) негативная информация о К.Собчак?
2. Если обнаруживается, то в какой форме она представлена: предположение, мнение, оценочное суждение, утверждение, иная форма представления?
3. Если обнаруживается, то имеет ли она неприличную форму?

Исследование проведено магистром второго года обучения по специальности «45.04.01 Филология» профиль «Лингвокриминалистика» Тольяттинского государственного университета Ворфоломеевой Екатериной Станиславовной.

Специалисту представлена для исследования видеозапись программы (<https://www.youtube.com/watch?v=Au-2KbSpdk4>), а также стенограмма спорного текста.

Исследование проводилось с использованием различных методов лингвистического анализа (в частности, семантического, морфологического и синтаксического). Для решения поставленных вопросов использовались также методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.

Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов.

СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010 г. – 208с.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 2001.

Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи. – М., 2003.

Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005), с. 24-40.

Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005), с. 40-65.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. - М.: Медея, 2004.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. Сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, отв.ред.А.Р. Ратинов. – М.: Фонд защиты гласности, 1997.

Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006.

Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского - М.: Престиж, 2005 г.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-

практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. - М.: Галерея, 2002-2003.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3 –е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.

Лингвистическое исследование

Ответ на вопрос №1

Обнаруживается ли в реплике В Жириновского (*Бл..ь последняя*) негативная информация о К.Собчак?

Уточним, как понимаются в данном исследовании и в тексте заключения специалиста некоторые важные термины, относящиеся к понятию негативной информации (сведений).

Сведения (информация) – совокупность высказываний, облеченных в текстовую форму, о мире, о событиях, и положения дел, об отношениях отправителя информации к этим событиям. За пределами данного понятия остаются высказывания, направленные на изменение положения дел в мире (приказы, иные распорядительные документы).

Негативная информация – это информация, содержащая отрицательный компонент. Под негативной информацией эксперты понимают такую информацию (сведения), которая содержит отрицательную характеристику лица (или другого объекта) с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции).

Если такая информация не соответствует действительности, то она, несомненно, чернит репутацию. (Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Изд. III. М., 2002, с.200).

Оценочные смыслы могут выражаться как при помощи лексических средств, содержащих в своем значении соответствующие компоненты (например, *вор, преступник, убивать* и т.п.), так и при помощи иных языковых средств, например, отрицания, выражаемого одним или несколькими принятыми в русском языке способами. Например, отрицанием в составе морфологической структуры слова – морфемы *без/бес-, не-, недо-* (*бессовестный, безобразный, беспринципный, неуместный* и т.д.). Разумеется, возможно и использование сентенциального отрицания: *кто-либо поступил беспринципно, не помог товарищу, бога не боится* и т.п.

Кроме того, негативная информация может представлять собой следствие, выводимое из описания каких-то действий, поступков лица, идущих в разрез с бытующим в обществе представлением о норме. Например: *Студент-первокурсник Сергей, заскочив в вагон первым, сразу сел, сделав вид, что спит и не видит стоящую рядом старушку с внуком.* В последнем случае студент должен был уступить место пожилому человеку с ребенком – такова норма поведения воспитанного человека в общественном транспорте. Для выражения такой информации, помимо собственно лингвистического анализа, необходим учет соответствующих фоновых знаний – нормах поведения в обществе, культурных и религиозных табу, о нормах осуществления производственной деятельности, определяемых должностными инструкциями и т.п. В некоторых случаях обоснованный вывод о том, что описываемые действия не соответствуют норме, можно сделать с учетом широкого контекста. В таких примерах, даже если слова не содержат в своей семантике соответствующих компонентов значения, контекст включает контрастивное описание действий, как отвечающих норме, так и противоречащих ей (*Мусульмане, живущие в Москве, частенько едят свинину. Настоящий мусульманин так не поступает*). Кроме того, в контексте теми или иными средствами может передаваться негативная оценка описываемых действий (*Преподаватель возмущен: «Студенты*

постоянно жуют жвачку, даже когда отвечают на вопросы экзаменационного билета. **Безобразия**»).

Изложив теоретические основания определения негативной информации, перейдем к исследованию спорной реплики:

Бл..ь последняя

Рассмотрим значение слова *бл..ь*. В современном русском языке оно имеет следующую **трактовку**: развратная, распутная женщина; женщина легкого поведения, шлюха; в более узком значении - проститутка (со стилистическими пометами – груб., вульг.) Современное общество осуждает женщин, торгующих своим телом, более того, согласно статьи 6.11 КОАП РФ занятие проституцией влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей. Очевидно, что женщина, совершающая распутные, развратные действия, получающая плату за торговлю своим телом, нарушает не только нормы общественной морали, но и законодательные.

Значение слова «последний» -яя, - ее, в числе прочих значений имеет следующее:

5. Совсем плохой, самый худший (разг.). Это уже последнее дело (никуда не годится). Изругать последними словами (непристойно). П. негодяй так не сделает. Последняя спица в колеснице (о том, кто не имеет никакого влияния, значения; разговорное)

Постпозиция слова «*последняя*» усиливает значение слова «*бл..ь*», указывая на его максимально негативную степень оценки.

Следует обратить внимание на то, что в предшествующих обращениях к К.Собчак В.Жириновский также использует синонимы слова «*бл..ь*», называя ее *площадная девка, проститутка*. Неоднократное повторение слов-синонимов ярко свидетельствует о намерениях автора привлечь внимание к основному значению этих слов, дающих соответствующую характеристику человеку, в данном случае женщине.

Важно отметить, что слова «бл..ь», «площадная девка», «проститутка» характеризуют личность в целом.

Таким образом, именно слово *бл..ь* в анализируемой реплике передает негативную информацию о человеке. Характеристика женщины как распутной, развратной, торгующей своим телом, осуждается не только нормами общественной морали, но и преследуется нормативными актами РФ. Слово «последняя» усиливает отрицательное значение слова «бл..ь». В силу сказанного в исследуемой реплике *Бл..ь последняя* сообщается негативная информация о К.Собчак.

Вывод по первому вопросу:

Словарный и семантический анализ показывают, что в реплике «*Бл..ь последняя*» передается негативная информация о К.Собчак, названной «*бл..ь последняя*», поскольку женщина представляется как распутная, развратная нарушающая не только нормы общественной морали, но и нормативные акты государства.

Ответ на вопрос №2

Если обнаруживается, то в какой форме она представлена: предположение, мнение, оценочное суждение, утверждение, иная форма представления?

Языковая форма (способ) представления семантики в речевом акте и в тексте в целом определяется комплексом тех представлений, которые связывает говорящий с передаваемой информацией. Тем самым, различаются утверждения, мнения, предположения, оценочные суждения, вопросы, намеки и т.п. От утверждений, которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности, следует отграничивать мнения, предположения, оценочные суждения, намеки и собственно вопросительные конструкции и иные формы представления информации (например, языковую игру, каламбур, иронию), которые нельзя проверить с точки зрения соответствия действительности.

Утверждение – это мысль, положение, высказывание, утверждающее - либо. В логике содержится следующее определение утверждения (утвердительного суждения): это суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение – это высказывание, в котором информация о факте (положении дел) или действиях какого-либо лица (событии) дается в словесной форме, в группе сказуемого и понимается аудиторией как важная, новая. Она подается как отображающая положение дел, которое не зависит от восприятия, осмысления, отношения автора. Грамматически утверждение о факте или событии отображается через показатели объективной модальности (в форме изъявительного наклонения) и распознается в тексте по отсутствию маркеров субъективной модальности, оценочных слов и конструкций, и иных показателей, выражающих неуверенность, сомнение автора в достоверности сообщаемого. Утвердительное суждение грамматически выражается формой повествовательного двусоставного предложения – как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждение может содержать конструкции, подчеркивающие достоверность сообщаемого (например, *известно, доподлинно, точно, фактически* и т.д.).

Среди утверждений различаются **явные, прямые (эксплицитные)** и **скрытые (имплицитные)**. Явные утверждения чаще всего бывают выражены глаголами или глагольно-именными сочетаниями в форме изъявительного наклонения. Понимание смысла явных утверждений не требует от читателя дополнительных усилий – семантических преобразований исходного текста, направленных на поиск каких-либо скрытых смыслов высказывания. Явные или прямые (эксплицитные) утверждения полностью или почти полностью соответствуют внешней форме высказывания.

Скрытые (имплицитные) утверждения представлены в таких высказываниях, в которых информация имеет вид обязательного следствия, определяемого контекстом. Понимание такой информации предполагает

осуществление читателем дополнительных смысловых преобразований, направленных на поиск скрытых смыслов. Такие преобразования часто требуют обязательного учета предшествующего или последующего контекста, в котором распределена или в который включена скрытая информация. Обязательные следствия необходимы для понимания предположения или фрагмента текста, в который они входят: невыявление читателем обязательных следствий приводит к тому, что текст оказывается семантически неполным - несвязным, семантически аномальным и т.п.

По критерию обязательности к скрытым утверждениям относится еще один вид имплицитной информации – пресуппозиции. Так, фраза *Почему Г. скрывает от избирателей свои доходы?* - содержит пресуппозицию «Г. скрывает от избирателей свои доходы» как условие осмысленности вопроса. Действительно, если Г. не скрывает от избирателей свои доходы, то вопрос теряет осмысленность. Риторический вопрос *Кто после разоблачения столь наглой лжи поверит Г.?*, в свою очередь, содержит пресуппозицию «После разоблачения столь наглой лжи Г. никто не поверит». Пресуппозиции также относятся к скрытым утверждениям, поскольку их понимание необходимо для обеспечения смысловой связанности и законченности текста.

Как явные, так и скрытые утверждения вне зависимости от степени их конкретности могут быть проверены с точки зрения соответствия действительности.

Мнение – суждение, выражающее оценку чего-н., отношение к кому – чему –нибудь, взгляд на что-нибудь. Выражение мнения распознается в тексте по наличию определенных слов и конструкций, указывающих на него (например, по моему мнению, я считаю, я полагаю).

Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности.

Мнение и сведения. Каково соотношение мнения и информации (сведений)? Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанном на фактах.

Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая отчета в том, почему он так считает. Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от высказывания о фактах, предполагает явное указание на носителя мнения. Ср.: *Сидоров уехал* – констатация факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* – выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (Я думаю), во втором случае – мнение начальника (Как думает начальник). Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего. Важно при этом заметить, что в высказывания-мнения очень часто вставляются (обычно скрытые) утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров - лежебока, потому он опоздал* – в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров – лежебока*). Внутри этого суждения делается ссылка на якобы имевший место факт «Сидоров опоздал», истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности.

Грамматической формой выражения мнения являются, прежде всего, сложноподчиненные предложения или предложения, осложненные вставными, в которых используются глаголы мыслительной деятельности и именные предикаты со значением мнения: *считать, полагать, думать, казаться, уверен, убежден* и др., а также вводно-модальные конструкции *по мнению специалистов, по - моему мнению* и подобные.

Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от домысла, и содержать оценку фактов и их комментариев, в этом его отличие от знания.

Мнение и сведение не являются однопорядковыми понятиями. Информация, распространенная автором, основанная на его собственных предположениях, мнении, субъективной оценке, убеждении может содержать

негативные характеристики, но не может быть проверена на соответствие действительности.

Предположение в отличие от утверждения о факте содержит специальные маркеры – слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается и т. п.). Предположение по сути является одной из форм выражения мнения (лингвисты считают, что сфера мнения объединяет два типа смыслов, которые дифференцированы соответственно в два разряда – *мнение-предположение* и *мнение – оценку*), когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности. Лингвисты относят предположение к разновидности контекста мнения (т. наз. *мнение-предположение*).

Оценка фактов, событий, лиц. Оценка в тексте связана с выражением оценочной информации (отношения субъекта оценки (журналиста или любого другого человека) к оцениваемому предмету) и распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой». Оценка – это сфера проявления субъективного начала в деятельности человека, в его познании и словесном отображении мира. В оценочных высказываниях информация складывается (формируется автором и понимается его собеседником, его аудиторией) из двух основных компонентов: к объективной дескриптивной (описательной, констатирующей) информации прибавляется субъективная информация об отношении этого автора к тому, о чем и как он говорит, то есть оценка. Для каждого человека она имеет статус субъективной истины. Поэтому оценочные суждения как таковые и не подвергаются верификации – проверке на соответствие действительности (то есть на объективную истину). Оценки выносятся на основании существующей в обществе культуроспецифической

системы ценностей и стереотипов, они встроены в определенную картину мира и в свою очередь характеризуют ее. Оценка имеет как эксплицитные (словесно выраженные), так и имплицитные формы. При наличии положительной оценки (элемент «хороший») может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой») можно вести речь о негативной информации. Контексты оценки также относятся к разновидностям контекстов мнений, выражающим субъективную истину, и не могут быть подвергнуты верификации (проверке на истинность и ложность). Однако необходимо учитывать тот факт, что в языковых оценочных структурах, кроме субъективных (оценочных) компонентов, могут содержаться и объективные (дескриптивные, описательные) компоненты, которые находятся в сложном взаимодействии. В соответствии с этим необходимо различать следующие категории оценочных слов и выражений: 1) общеоценочные слова и выражения, содержащие только оценочный (субъективный) компонент (например, *хороший, отличный, отвратительный, скверный* и т.д.), основная цель которых – выражение оценки (субъективного отношения к предмету речи), и 2) частнооценочные слова и выражения, содержащие, наряду с оценочным, дескриптивный компонент (описательный, констатирующий), отражающий свойства предметов (например, *усердный, нахальный, глупый* и др.); в таких словах оценочный и дескриптивный компоненты совмещаются, поскольку цель таких слов не только выразить отношение к предмету речи, но и передать информацию о его свойствах. О выделении особой группы суждений – оценочных с фактической ссылкой – пишут и Г.М.Резник и К.И.Скловский в работе «Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ», приводя в качестве примера высказывание «*судя по отзывам, N. – плохой специалист*» (данная фраза будет обладать исковой силой, поскольку факт существования нелестных отзывов может быть проверен). Как пишут данные авторы, «ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека) последовательно ориентирует национальные суды на необходимость

устанавливать фактическую составляющую оценочного суждения как необходимого условия признания диффамации. В этой связи необходимо говорить о том, что дескриптивный компонент в слове, отражающий свойства предмета или события, может быть подвергнут процедуре верификации (проверке на истинность).

Вопрос – это высказывание, имеющее целью побудить адресата сообщить нечто неизвестное говорящему, ср. *Кто пришел? Что делать? Как вы оцениваете результаты переговоров?* Общие вопросы содержат семантический компонент - препозицию вопроса, - который вводится в обсуждение и требует подтверждения или опровержения слушателем (адресатом). Частные вопросы, кроме пропозиции вопроса, включают комплекс пресуппозиций и установок, отражающих видение говорящим обсуждаемой проблемы.

Лексическими маркерами вопроса являются вопросительные местоимения, наречия – *кто, что, какой, когда, почему, где* и т.п. Кроме того, в конце вопросительной конструкции ставится, как правило, вопросительный знак.

В отличие от собственно вопросительной конструкции риторический вопрос не побуждает к предоставлению информации, а содержит утверждение (Ср. *Куда я летом поеду с детьми?* – вопрос, допускающий множество ответов: *К бабушке. К морю. В Хорватию* и т.п., в то время как фраза *Куда я денусь с четырьмя детьми?* – утверждение – «Мне некуда деваться с четырьмя детьми, мое положение безвыходное».)

Для квалификации формы (способа) выражения негативной информации существенно также, что описывает информация в высказывании, поскольку не все высказывания, формально-грамматически являющиеся утверждениями, можно проверить на соответствие действительности. Возможность проверки на соответствие действительности является важнейшим признаком утверждения в рамках дел по ст. 152 ГК РФ.

Невозможно проверить на соответствие действительности высказывания, описывающие события, относящиеся к будущему времени, а также суждения о внутреннем мире человека, его эмоциях, представлениях, желаниях и пр. Так, высказывание *Иван бросит свою жену* невозможно верифицировать в момент произнесения. Аналогично высказывания с некоторыми интерпретационными глаголами типа *Федор не стремится получить качественное образование* или *Вера обо мне не думает* описывают ментальный мир людей, который невозможно проверить простой логической процедурой. Высказывания о внутреннем мире человека могут быть суждениями о факте в том случае, если соответствующая информация как-то документирована и может быть проверена на соответствие действительности.

Анафорические связи в тексте – отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Чаще всего в спорных текстах эксперты сталкиваются с анафорическим употреблением местоимений. Например: 1) *Петров брал взятки, но ему всегда было мало денег* - во второй части предложения местоимением *ему* поименован *Петров*, названный в первой части предложения; 2) *Можно выбрать тот проект, за который в конверте принесут откат, и это было на всех этажах прежнего министерства. И это же продолжается в теперешнем Агентстве* - действия Министерства, описанные в первом предложении (*выбрать проект, за который принесут откат*), полностью относятся к действиям Агентства. То есть: в Агентстве, как и в Министерстве, выбирают проекты, за которые приносят откаты.

Ирония – в эстетике и литературоведении термином ирония обозначается вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде.

Охарактеризуем, как выражена негативная информация о К.Собчак, выявленная выше в ответе на вопрос №1.

Исследуемая реплика:

Бл..ь последняя

Представляет собой простое неполное предложение, где пропущен главный член подлежащее (*она* или *К.Собчак*), но он понятен из ситуации в целом. Исходя из предыдущей речи В.Жириновского, эта реплика адресована К.Собчак, именно ей автор приписывает все характеристики слова «*бл..ь*». В таких предложениях сказуемое передает (сообщает) признак (то есть свойство, действие или состояние) той сущности, которую обозначает подлежащее – в данном случае человек, женщина, К.Собчак. Опущенная связка *есть* между подлежащим и сказуемым указывает на настоящее время изъявительного наклонения. Однако, установленное ранее значение реплики «*бл..ь последняя*» (см. ответ на вопрос 1), – женщина распутная, развратная нарушающая не только нормы общественной морали, но и законодательные, носит оценочный характер, поскольку сопоставимо с оценками – плохо/плохой. Другими словами, негативная информация, передаваемая в исследуемой реплике, является оценочным суждением.

Данный вывод подтверждается тем, что реплику «*Бл..ь последняя*» нельзя проверить на соответствие действительности: кто-то согласится с тем, что К.Собчак ведет себя как развратная, распутная женщина, нарушающая нормы общественной морали, но кто-то будет придерживаться совершенно иной точки зрения.

Вывод по второму вопросу:

Реплика «*Бл..ь последняя*» является оценочным суждением в отношении К.Собчак, в которой ей приписываются негативные характеристики, сопоставимые с общей оценкой «плохо/плохой». Эту реплику нельзя проверить на соответствие действительности, поскольку для одних людей это высказывание может быть ложным, а для других – истинным.

Ответ на вопрос №3

Если обнаруживается, то имеет ли она неприличную форму?

Неприличная форма в лингвистической экспертизе текста связывается с категорией оскорбления, квалифицируемой в правовых документах как унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной форме.

Неприличная форма фиксируется в первую очередь в стилистических характеристиках слов. Как неприличные квалифицируются слова, имеющие стилистические пометы нецензурное, бранное, неприличное, грубое. Согласно существующей лексикологической практике, к нецензурным словам отнесены несколько производных слов, задаваемых списком, а также слова и словосочетания, производные от них. Бранные слова – это слова, относящиеся к сниженному слою лексики, однако, в отличие от нецензурных, не имеющие абсолютного запрета на употребление. Они допускаются, например, в частном общении. Однако, использование бранных слов в общественной коммуникации также осуждается по моральным соображениям. Эти слова фиксируются словарями литературного языка с пометой *бранное, грубое*. Кроме того, в словарной информации об этих словах отмечается особый характер их употребления в речи: наличие коммуникативной цели обидеть или оскорбить адресата. К бранным, согласно данным словарей, относятся, например, слова *жопа, сволочь, скотина* (о человеке), *ублюдок, сука* (о человеке), *холуй, старый хрен* и т.п.

Помета *неприличное* в разных словарных изданиях конкурируют с пометой *бранное*. Кроме того, неприличными являются в официальной ситуации общения разговорные сниженные слова или слова, передающие презрительное отношение к собеседнику. Неприличные с точки зрения стилистики слова и выражения также осуждаются в обществе с точки зрения моральных норм. К неприличным относятся некоторые метафоры фауны (например, *свинья, козел*), неологизмы, образованные в результате языковой

игры и содержащие аллюзию на обценные и бранные слова (например, *дерьмократ*) и некоторые другие типы лексем.

Таким образом, квалификация неприличной формы выражения смысла в каком-либо речевом высказывании опирается, с одной стороны, на стилистические характеристики слов, а с другой - на стиль и жанр речи (коммуникации). Чем более официальный характер имеет коммуникация между людьми, тем больше ограничений на стилистические характеристики слов. Так, слова, *дурак, идиот, больной* (в переносном значении), принимаемые в обыденном общении, в рамках судебного заседания могут быть признаны оскорблением с соответствующими правовыми санкциями.

Исследуемая реплика *Бл..ь последняя* является частью конфликтной коммуникации между В.Жириновским и К.Собчак во время телевизионных политических предвыборных дебатов на должность президента РФ. Свидетелями конфликта стали все участники дебатов, зрители в студии и многочисленные телезрители.

Стилистические характеристики слова «*бл..ь*», выявленные при ответе на вопрос 1 – **грубое, вульгарное** – относят это слово к разряду ненормативной лексики, которая моральным запретом общества исключена из публичного употребления и квалифицируется как неприличная. Слово «*последняя*» является стилистически нейтральным.

Вывод по третьему вопросу:

Стилистический и семантический анализ, анализ словарной информации слов, входящих в реплику *Бл..ь последняя* показывает следующее: слово «*бл..ь*» относится к разряду ненормативной лексики, в связи моральным запретом общества исключена из публичной коммуникации, форма выражения передаваемого в ней смысла квалифицируется как неприличная.

Общие выводы исследования:

1. Словарный и семантический анализ показывают, что в реплике «*Бл..ь последняя*» передается негативная информация о К. Собчак, названной «*бл..ь последняя*», поскольку женщина представляется как распутная, развратная нарушающая не только нормы общественной морали, но и нормативные акты государства.

2. Реплика «*Бл..ь последняя*» является оценочным суждением в отношении К. Собчак, в которой ей приписываются негативные характеристики, сопоставимые с общей оценкой «плохо/плохой». Эту реплику нельзя проверить на соответствие действительности, поскольку для одних людей это высказывание может быть ложным, а для других – истинным.

3. Стилистический и семантический анализ, анализ словарной информации слов, входящих в реплику *Бл..ь последняя* показывает следующее: слово «*бл..ь*» относится к разряду ненормативной лексики, в связи моральным запретом общества исключена из публичной коммуникации, форма выражения передаваемого в ней смысла квалифицируется как неприличная.

Выводы по второй главе

В современном медиапространстве наблюдается отсутствие у коммуникантов готовности и способности к конструктивному диалогу. Разнообразные ток-шоу (политические дебаты как разновидность) проводятся с целью показать разные точки зрения на заданную проблему, дать участникам возможность озвучить и защитить свою точку зрения, подвергнуть сомнению мнение оппонента. Они позволяют транслировать мировоззренческие ориентиры и тем самым воздействовать на сознание зрителей, способствуют распространению коммуникационных ценностей, моделей поведения в обыденной жизни.

Обострение политических проблем привело к изменению коммуникации в рамках политической риторики. Обсуждение политических тем однозначно сопровождается многочисленными конфликтными ситуациями между коммуникантами.

Под конфликтом, вслед за В.С. Третьяковой, мы понимаем ситуацию, в которой участники сталкиваются по поводу расхождения взглядов, интересов, целей, и при этом один из участников сознательно и уверенно действует в ущерб другому, а второй участник, осознавая, что эти действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия. Конфликты сопровождаются конфликтогенным речевым поведением – речевой агрессией.

Речевая агрессия активно и ярко демонстрируется в рамках политического дискурса, особенно в формате предвыборных политических дебатов. Речевая агрессия используется с целью оскорбить или сознательно причинить вред человеку, группе людей, обществу. И в этом случае для политика важно не сообщить какую-либо информацию, а с ее помощью спровоцировать аудиторию на немедленную отрицательную реакцию по отношению к оппоненту.

Политические дебаты кандидатов на должность президента РФ в 2012 и 2018 годах продемонстрировали не только свободу слова баллотирующихся политиков, но и их свободу от принятых и закреплённых обществом норм культурного поведения. Речевая агрессия, проявившаяся в форме оскорбления, породила ответную агрессию – физическую (драка, вылитый стакан воды на оппонента). Провокация на открытую речевую агрессию применяется в целях манипуляции сознанием опосредованных участников коммуникации, с целью склонения потенциальных избирателей к точке зрения кандидата, понижения политического статуса оппонента.

Речевая агрессия находит свое выражение в инвективах – оскорбительных высказываниях, резких выпадах, бранной словах и т.п.

В соответствии с классификацией О.Д. Демидова проанализированный пул инвективных высказываний кандидатов на должность президента РФ в 2012, 2018 годах (В. Жириновский, К Собчак, М. Сурайкин, М. Шевченко, Н. Бабурин) позволил определить наиболее частотные инвективы: инвективы, относящиеся к третьему конкретному лицу, инвективы, относящиеся к собирательному объекту, оскорбительные выпады, диффамации, ирония.

Инвективные высказывания, пейоративная лексика, унижительные реплики широко используются кандидатами в президенты для реализации различных коммуникативных стратегий, направленных на понижение статуса оппонента.

Инвективные высказывания участников политических телевизионных шоу становятся все более разнообразными и, как показывают результаты выборов, их целенаправленное использование помогает политикам достигать запланированных результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликтогенность заложена в природе самого языка как средства коммуникации. Главной причиной речевого конфликта, вслед за Н.Д. Голевым, исследователи называют «множественность интерпретаций» одного и того же текста. Не менее важным является и коммуникативное намерение участников общения.

Конфликтогенность инвективной лексики заключается в смысловом значении составляющих этот пласт лексем, имеющих коннотацию в виде негативной оценки и инвектированной экспрессии.

Инвективная лексика относится к эмоциональной лексике и представляет собой одно из средств передачи негативных эмоций в коммуникации. В большинстве случаев, свое выражение в речи она находит через инвективу.

Инвектива реализуется через инвективные речевые акты в рамках инвективной стратегии говорящего, которую отличают наличие объекта оскорбления, отрицательная оценочность, понижение социального статуса адресата.

Сущность словесного оскорбления заключается не только в нарушении языковых норм, но и в посягательстве на общественную оценку и самооценку индивида. Оскорбление может быть реализовано при помощи вполне литературной, но обидной, не принятой в общении лексики.

Лингвистическая сторона «оскорбления как речевого акта» сегодня активно изучается: описаны типологические модели речевого акта оскорбления (Т.В. Чернышова, Е.В. Головощапова), определены его характеристики (Т.С. Шахматова), структура (К.И. Бринёв), дефиниции.

Интенция оскорбить реализуется в виде особого речевого акта, модель которого предложена А.Вержбицкой и активно поддерживается исследователями этой области. Однако следует помнить, что само по себе употребление стилистически сниженных слов и выражений не констатирует

факт речевого оскорбления. Оно правомерно в тех случаях, когда прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц; при этом очевиден прямой умысел на оскорбление; инвективная лексика характеризует человека в целом, как личность (то есть дается обобщенная оценка его личности); высказывание произносится публично.

В современном медиапространстве наблюдается отсутствие у коммуникантов готовности и способности к конструктивному диалогу.

Обострение политических проблем привело к изменению коммуникации в рамках политической риторики. Обсуждение политических тем однозначно сопровождается многочисленными конфликтными ситуациями между коммуникантами.

Речевая агрессия, проявляющаяся в форме оскорбления, порождает ответную агрессию; провоцирует переход речевой агрессии в физическую; применяется в целях манипуляции сознанием опосредованных участников коммуникации. Инвективные высказывания, пейоративная лексика, унижительные реплики широко используются кандидатами в президенты для реализации различных коммуникативных стратегий. Наиболее частотны следующие: понижение политического статуса оппонента, дискредитация оппонента, воссоздание положительного образа «своего», критика действий оппонента.

При определении речевого акта оскорбления проведение экспертной оценки затрудняют:

- неоднозначное понимание словосочетания «неприличная форма», так как возможны его узкая и широкая трактовка;

- отсутствие четких критериев отнесенности тех или иных лексем к инвективной лексике, т.к. отсутствует лингвистическая диагностика вербального оскорбления в целом, и инвективы в частности. Лексикографические данные (в частности, стилистические пометы, значение лексем) не содержат всех признаков, объясняющих функционирование инвективной (в том числе и обценной) лексики;

- отсутствие классификации инвектив по степени их инвективности, по степени причинения морального ущерба.

Таким образом, в результате исследования было доказано, что выбор инвективной лексики в политическом дискурсе связан с особенностями коммуникативной ситуации (предвыборные дебаты), образов оппонентов, истории межличностного конфликта коммуникантов, ожиданий массового адресата. Инвективные высказывания, унижительные реплики, широко используемые коммуникантами на предвыборных дебатах, чаще всего направлены на понижение статуса оппонента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, А.А. Теледебаты: момент истины или манипулирование общественным мнением? [Текст] / А.А. Андреев // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – № 2. – 2002. – С.98 – 108.
2. Апресян, Р.Г. Сила и насилие слова [Текст] / Р.Г. Апресян // Человек. – № 5. – 1997. – С.133-137.
3. Баженова, И.В. Актуальные проблемы лингвистической безопасности [Текст]: монография / И.В. Баженова, В.А. Пищальникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 151с.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика [Текст] / А.Н. Баранов // . – М.: Флинта: Наука, 2007. – с. 538 и далее.
5. Белоус, Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Наталья Анатольевна Белоус. – Краснодар, 2008. – 41с. – Режим доступа http://tverlingua.ru/archive/013/10_belous.pdf (дата обращения: 15.10.2018)
6. Беспмятнова, Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Галина Николаевна Беспмятнова. – Воронеж, 1994. – 19 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000143705> (дата обращения: 15.10.2018)
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост.и гл. ред. С.А. Кузнецов [Текст] / Первое издание. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
8. Бринёв, К.И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт. [Электронный ресурс] / К.И. Бринёв // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 2011. – С. 330-338. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema->

- ekspertnoy-otsenki-oskorbleniya-oskorblenie-v-pravosoznanii-lingvistica-oskorblenie-kak-rechevoy-akt-1 (дата обращения 11.03.2019).
9. Бринев, К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе [Текст] / К.И.Бринев . – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 200с.
 - 10.Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография [Текст] / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
 - 11.Булыгина Е.Ю., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ [Текст] / Е.Ю. Булыгина // Юрислингвистика – 2. – Барнаул, 2000. – С. 149-157.
 - 12.Быкова, О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» [Текст] / О.Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). – Красноярск, 1999. – С. 96 – 98.
 - 13.Верещагин, С.Б. Дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов): Автореф. дисс. ... канд. филол. н. [Электронный ресурс] / С.Б. Верещагин. – Тюмень, 2007. – 22с. – Режим доступа: <http://tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/10.02.20/680.pdf> (дата обращения 15.10 2018)
 - 14.Викторова, Е. Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов: (на материале жанров послания) [Электронный ресурс] / Е.Ю. Викторова // Известия Саратовского университета, 2008. – Т.8. – Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. – Режим доступа: http://www.sgu.ru/files/nodes/41616/05_viktorova.pdf. (дата обращения 27.02.2019).
 - 15.Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138с.

- 16.Воронцова, Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно – дискурсивной парадигме [Текст] / Т.А. Воронцова// Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. - №1. - С. 83-86.
- 17.Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Татьяна Александровна Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/rechevaaya-agressiya-kommunikativno-diskursivnyi-podkhod/read> (дата обращения 15.10.2018)
- 18.Выборы 2012. Дебаты. Жириновский и Прохоров [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fNpULzDjPFg> (дата обращения 15.04.2019).
- 19.Голев, Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов) [Электронный ресурс] / Н.Д. Голев// Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса. – Ярославль: ЯГПУ, 2011. – С. 134 – 141. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/rechevoj_konflikt_v_aspekte_mnozhestvennosti_interpretacii_rechevykh_proizvedenij_na_materiale_russkikh_igrovykh_tekstov/3-1-0-211 (дата обращения 27.03.2019)
- 20.Голев, Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии [Электронный ресурс] / Н.Д. Голев// Юрислингвистика – 9: Истина в языке и праве: международный сборник научных трудов. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 136 – 155. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/yuridizatsiya-yazykovyh-konfliktov-kak-osnovanie-ih-tipologii-1> (дата обращения 15.10.2018).
- 21.Даньковский Х. Словесная агрессия [Текст] / Х. Даньковский // Наука и жизнь. – 1995. – №6. – С. 45 – 51.

22. Дебаты 13.03.2018 Схватка Шевченко и Собчак [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=QRObd7ucl94> (дата обращения 15.04.2019).
23. Дебаты. Выборы 2018 ДРАКА. Сурайкин устроил драку и провокацию. 15 марта 2018 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5s--KXSPmyY> (дата обращения 15.04.2019).
24. Демидов, О.В. Инвектива как современная коммуникативная тенденция публичного дискурса [Текст] / О.В. Демидов // Вестник Челябинского университета. – 2013. - № 1 (292). – С.39 – 41.
25. Демидов, О.В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) [Электронный ресурс] / О.В. Демидов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. - № 1 (11). – С. 90 – 94. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektivnaya-leksika-v-smi-na-primere-politicheskogo-zhurnalistskogo-diskursa> (дата обращения 17.04.2019).
26. Демидов, О.В. Инвективные высказывания в речи политического деятеля [Электронный ресурс] / О.В. Демидов // Знак: Проблемное поле медиаобразования, 2007. - №1. – С. 112 – 121. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektivnye-vyskazyvaniya-v-rechi-politicheskogo-deyatela> (дата обращения 12.04.2019).
27. Дмитриев, А.В., Кудрявцев, В.П., Кудрявцев, С.В. Юридическая конфликтология [Текст] / А.В. Дмитриев // Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993. – С. 3 – 28.
28. Дмитриева, О. Л. Ярлык в парламентской речи [Текст] / О.Л. Дмитриева // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 90 – 96.
29. Доронина, С.В. Инвективная функция насмешки и проблема ее экспертной оценки [Текст] / С.В. Доронина // Юрислингвистика – 3. – Барнаул, 2002. – С. 78 – 85.

30. Жельвис, В.И. Бранный тезаурус как орудие классовой борьбы [Текст] / В.И. Жельвис // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания (Москва, 29 марта 1998г.). – М.: Диалог – МГУ, 1998. – С.36 – 38.
31. Жельвис, В.И. Инвектива в политической речи [Текст] / В.И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 11 – 29.
32. Жельвис, В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира [Текст] / В.И. Жельвис. – 2 изд. перераб. И доп. – Москва: Ладомир, 2001. – 348с.
33. Жельвис, В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / В.И. Жельвис. Институт языкознания. – М., 1992. – 51с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007909971> (дата обращения 16.02.2019)
34. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи: Психолингвистическая интеграция речевого воздействия [Текст] Учебное пособие / В.И. Жельвис // Яросл. Гос. Пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль: ЯрГУ, 1990. – 81с.
35. Засыпкин, С. Инвектива [Текст] / С.Засыпкин // Дискурс-Пи. – 2010. - № 1-2. – С.352 – 353.
36. Значение слова «Бл.» [Электронный ресурс] / Режим доступа <https://dictionary.ru/определение%20слова/бл..ь.html> (дата обращения 12.10.2018).
37. Значение слова Оппонент [Электронный ресурс] / Словарь иностранных слов русского языка. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/24609/ОППОНЕНТ (дата обращения 25.05.2019)

- 38.Ильенко, С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии [Текст] / С.Г. Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии: Сборник статей. – СПб., 1996. – С. 6-16.
- 39.Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) [Текст] / О.С. Иссерс // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Межвузовский сборник научных трудов . – Барнаул, 1999. – С. 38 – 45.
- 40.Какорина, Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы [Текст] / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 409 – 426.
- 41.Капленко, В.Н. Инвективность открытая и скрытая [Текст]/ В.Н. Капленко // Юрислингвистика - 3. Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул, 2002. – С. 72 – 77.
- 42.Кара-Мурза, Е.С. «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии [Текст] / Е.С. Кара-Мурза // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 253–272.
- 43.Карякин, А.В. Стратагемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Александр Вячеславович Карякин. – Волгоград, 2010. – 163с.
- 44.Комлев, Н.Г. Лингво – семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта [Текст] / Н.Г. Комлев// Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 48 – 57.
- 45.Кондратьева, Н.Е., Мордовина Л.В. Ток-шоу как жанр современной массовой культуры [Электронный ресурс] / Н.Е. Кондратьева, Л.В. Мордовина // Аналитика культурологи. – Тамбов: федерация гос. бюдж. образ. учрежд. высшего проф. образов., Тамбов. гос. ун-т им.

- Г.Р. Державина. – 2008. – С. 59 – 63. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/tok-shou-kak-zhanr-sovremennoy-massovoy-kultury> (дата обращения 05.01.2019).
46. Коряковцев, А.В. Фреймовый аспект функционально-семантического представления инвективности [Электронный ресурс] / А.В. Коряковцев // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 2011. – С. 244 – 249. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/freymovyy-aspekt-funktionalno-semanticheskogo-predstavleniya-invektivnosti-1> (дата обращения 18.11.2018).
47. Краснянская, Т.И. К интерпретации концепта «деловая репутация» участниками судебного процесса [Электронный ресурс] / Т.И. Краснянская // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Волгоград, 2008. - №3. – С. 320 – 324. – Режим доступа http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/03/2008_03_56.pdf (дата обращения 15.01.2019).
48. Кронгауз, М.А. Может быть, проще запретить Жириновскому произносить слово «русский», особенно перед выборами. Филолог Максим Кронгауз – о лингвистических особенностях предвыборной борьбы [Электронный ресурс] / М.А. Кронгауз. – М.: Известия. – Режим доступа: <http://iz.ru/news/501089> (дата обращения 16.02.2019)
49. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. Лингвистическая экспертиза [Текст] / М.А. Кронгауз, М.: Астрель, Corpus, 2011. – 47с.
50. Куницына, В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение [Текст] / В.Н. Куницына // Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544с.
51. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Геннадий Владимирович Кусов. – Волгоград, 2004. – 26 с.

- 52.Лоренц, К. Агрессия [Текст] / Конрад Лоренц // Издательская группа «Прогресс». – М., 1994. – 130 с.
- 53.Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия [Текст] / О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
- 54.Могилевская, Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования [Электронный ресурс] / Э. Могилевская // Новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2006. – Выпуск 5-6. – С.40 – 47.
- 55.Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
- 56.Поцелуев, С.П. Вербальное насилие в разговорном политическом диалоге: к уточнению понятия [Текст] / С.П. Поцелуев // Философия права. – 2008. - № 5. – С. 66–70.
- 57.Пустовар, Е.А. Инвективная лексика в дискурсе политиков или почему иногда полезно ругаться [Электронный ресурс] / Е.А. Пустовар // Лаборатория информационно – психологических технологий А. Потеряхина. – Режим доступа: <https://labipt.com/invective-vocabulary-in-the-discourse-of-politicians-or-why-it-is-sometimes-useful-to-swear/> (дата обращения 25.11.2018)
- 58.Резникова, Н.А. Семантический анализ политической лексики [Текст] / Н.А. Резникова // Вестник ТГПУ. – 2005. – Выпуск 4 (48). – Серия: Гуманитарные науки. – С. 49-54.
- 59.Савельева, О.О. Влияние на аудиторию, манипулирование аудиторией [Текст] / О.О. Савельева // Обществознание в школе. – 2000. – №3. – С. 16.
- 60.Сайт Академик. Толкование слова Конфликтоген [Электронный ресурс] <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/411115>) (дата обращения 01.06.2019)

- 61.Седов, К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К.Ф. Седов // Труды Международного семинара «Диалог - 2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials> (дата обращения 12.10.2018)
- 62.Семенова, Н.В. Лингвистическая диагностика инвективного слова: автореферат на соискание ученой степени филологических наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Семенова Наталья Владимировна. – Москва, 2008. – 24с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskaya-diagnostika-invektivnogo-slova#ixzz518YsGFZi> (дата обращения 18.11.2018)
- 63.Словарь иностранных слов [Текст] / Под ред. Н.С. Арапова, Р.С. Кимягарова и др. – Москва, 1999. – С.93
- 64.Соколова, Т.А. Магистерская диссертация на тему «Особенности лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления и угрозы» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/5998/1/BC-1501.pdf> (дата обращения 23.10.2018)
- 65.Сомова, Л.А. Изучение текста / дискурса студентами-филологами в аспекте речевой конфликтности [Текст] / Л.А.Сомова // Сб. материалов V Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты», 2015. – С.345-351.
- 66.Сомова, Л.А. Конфликтогенность инвективной лексики в медиапространстве и в художественной речи [Текст] / Studia Rastica XXVI. Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность» (Будапешт, 20-21 октября 2017 г.). Будапешт: Будапештский университет им. Л.Этваша, 2017. – С.366-274.

- 67.Статья 6.11 КОАП РФ [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://ppt.ru/kodeks.phtml?kodeks=11&paper=6.11> (дата обращения 15.04.19).
- 68.Степанов, В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации [Текст] / В.Н. Степанов. – Спб.: Изд-во «Роза мира», 2003. – 263с.
- 69.Толкование и значение слова «Последний» [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://ozhegov.textologia.ru/definit/posledniy/?q=742&n=196535> (дата обращения 11.12.2017).
- 70.Третьякова, В. С. Конфликт глазами лингвиста [Текст] / В.С. Третьякова // Юрислингвистика–2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. - Барнаул, 2000. – С. 127–140.
- 71.Третьякова, В.С. Практика речевого конфликта [Текст] / В.С. Третьякова // Проблемы лингвистического образования школьников: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург 25-26 марта 1999г. – Екатеринбург, 1999. – С.68 – 73.
- 72.Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н.И. Формановская. – М., Рус. яз., 2002. – 216с.
- 73.Чаунина, Н.В. Инвективные стратегии в лирике И.Бродского 1904 – 1905 годов [Текст] / Н.В. Чаунина // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С.298 – 307.
- 74.Чернышова, Т.В. Голощапова, Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений) [Текст] / Т.В. Чернышова // Университетская филология - образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй научно-практической конференции (г.Барнаул, 14-18 апреля 2009г.). – Ч. 1, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С.94 – 98.

75. Чернышова, Т.В. Типологические признаки текстов дискредитирующего типа [Текст] /Т.В.Чернышова // Политическая коммуникация: материалы междун. науч. конф. (Екатеринбург, 24-26 сентября 2013 г.), гл. ред. А.П.Чудинов, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2013. – С.356 – 363.
76. Шарифуллин, Б.Я. Инвектива: лингвистика vs юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция [Текст] / Б.Я. Шарифуллин // Вестник Красноярского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Красноярск, 2000. – №2. – С. 93 – 96.
77. Шарифуллин, Б.Я. Обсценная лексика: терминологические заметки [Текст] / Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. – № 1(9). – Красноярск, 2000. – С.108 – 111.
78. Шарифуллин, Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы [Текст] / Б.Я. Шарифуллин // Юрислингвистика–5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул, 2004. – С. 120–132.
79. Шахматова, Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения [Текст] /Т.С. Шахматова// Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 155, кн. 5. - Казань, 2013. – С. 267-278.
80. Шейгал, Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе [Текст] / Е.И. Шейгал. – Вопросы стилистики. – Саратов. 1999. – Выпуск 28 (а). – С.37- 45.
81. Щербинина, Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. Учебное пособие [Текст] / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 221 с.
82. Щербинина, Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. Учебное пособие [Текст] / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 221с.

83. Olsson, J. Forensic linguistics: the analysis of language to detect authorship and to interpret meaning [Electronic resource] / J. Olsson // The Forensic Linguistics Institute. - Access mode: <https://www.thetext.co.uk/> (date of treatment 12.10.2017).
84. Olsson, J. Forensic Linguistics / J. Olsson // Continuum International Publishing Group. – New York, 2008. – 252c.
85. Momeni, N. „Fraud in Judicial System“ as a Language Crime: Forensic Linguistics Approach / N. Momeni // Theory and Practice in Language Studies. - Vol. 2. - No. 6. - pp. 1263-1269.
86. Tiersma, P. Solan Lawrence M. America. The Linguist on the Witness Stand: Forensic Linguistics in American Courts / Tiersma, P. Solan Lawrence M. // Language. - Vol. 78. - No. 2 (Jun., 2002). - p. 221-239.
87. Wodak, R. Language, Power, and Ideology: Studies in Political Discourse / R. Wodak. – Amsterdam: Benjamins, 1989. – 288 p.